

А.А.Формозов

Очерки по истории
РУССКОЙ
АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт археологии

А. А. ФОРМОЗОВ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ
АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1961

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
А. В. АРЦИХОВСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

Русскими учеными написано немало книг, посвященных истории науки. Книги эти разные. Многие из них представляют собой исчерпывающие обзоры исследований в той или иной области знания; в них учтены все имена, все работы, все факты. Такова, например, многотомная «История геологического исследования Сибири» В. А. Обручева¹. Значение таких книг как справочников для научной работы трудно переоценить.

Есть книги и другого плана. Авторы их не гонятся за исчерпывающей полнотой. Они обращаются к науке прошлого, исходя из того, что без знания ее не поймешь многого и в современном положении науки. Главное не в том, чтобы найти новые факты, а в том, чтобы проанализировать мировоззрение наших предшественников, поучиться у них, найти в их трудах общие установки, не устаревшие и сейчас, увидеть, что обеспечило успехи классиков науки и чем были вызваны их ошибки. Читая такие книги, сознаешь, что история науки — это не склад забытых научных изданий, а живой источник науки сегодняшнего дня. Ведь часто мы работаем так, а не иначе, только потому, что это направление работы было намечено учеными предшествующих поколений. В ходе своей работы мы на каждом шагу используем их достижения, а порой повторяем их ошибки. Все это придает животрепещущий интерес именно анализу идей и методов ученых прошлого.

И еще одно: по мере накопления фактов, которое в наши дни идет в особенно быстром темпе, все более и бо-

¹ В. А. Обручев. История геологического исследования Сибири, т. 1—5. М.—Л., 1931—1949.

лее суживается специализация ученых, все реже мы видим исследователей, обладающих широкой системой научных взглядов. И вот, в работах ученых XVIII—XIX вв. мы нередко можем найти более широкую постановку задач данной науки, чем в работах наших современников. Именно поэтому, желая проследить истоки современных направлений науки, интересуясь, как ранее формулировали задачи отдельных областей знания, обращались к истории науки крупнейшие русские ученые В. И. Вернадский, С. И. Вавилов, И. Ю. Крачковский². «История науки является орудием достижения нового», — говорил В. И. Вернадский³.

Заманчиво написать такой же очерк и по истории русской археологии, где главным будет не перечень имен исследователей, полевых открытий и книг, а анализ научных идей русских археологов XVIII—XIX вв. Обзоры справочно-библиографического характера в нашей литературе уже есть. Это краткие очерки развития русской археологии, принадлежащие перу С. А. Жебелева⁴ и А. В. Арциховского⁵, докторские диссертации по истории археологии: В. Т. Илларионова — по историографии палеолита СССР⁶ и С. А. Семенова-Зусера — по историографии скифской проблемы⁷. Но книг иного характера, вроде «Истории русской этнографии» А. Н. Пыпина⁸ и «Истории русской фольклористики» М. К. Азадовско-

² См., например, В. И. Вернадский. Гете как натуралист. «Бюллетень Московского общества испытателей природы, отдел геологический», 1946, № 1; С. И. Вавилов. Собр. соч., т. III. М., 1956; И. Ю. Крачковский. Избр. соч., т. 5. М., 1958.

³ Цитирую по статье А. Е. Ферсмана «Владимир Иванович Вернадский». «Бюллетень Московского общества испытателей природы, отдел геологический», 1946; № 1, стр. 53.

⁴ С. А. Жебелев. Введение в археологию, ч. I, Пг., 1923, стр. 98 и далее.

⁵ А. В. Арциховский. Археология. В кн. «Очерки по истории исторической науки в СССР», ч. I. М., 1955, гл. X, 1; ч. II. М., 1960, гл. X, IV.

⁶ В. Т. Илларионов. Опыт историографии палеолита СССР. Горький, 1947.

⁷ С. А. Семенов-Зусер. Скифская проблема в отечественной науке. Харьков, 1947.

⁸ А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. I—IV. СПб., 1890—1892.

го⁹, содержащих характеристики идеологических установок ученых прошлого, в археологической литературе пока нет.

Единственной попыткой в этом направлении была книга М. Г. Худякова «Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов»¹⁰. Автор не плохо знал литературу и сделал ряд интересных наблюдений, но, к сожалению, он находился под сильнейшим влиянием школы М. Н. Покровского. Многие сложные вопросы решались М. Г. Худяковым недопустимо упрощенно. История научных идей представлена им в виде прямого отражения экономической жизни России. В результате из-за своей односторонности и тенденциозности книга М. Г. Худякова не может удовлетворить наш интерес к идеям, лежавшим в основе работ старых русских археологов.

Почти не имея предшественников в своей работе, мы не претендуем на создание монографии, охватывающей всю историю русской археологии. Внимание автора сосредоточено в основном на начальном периоде развития археологии в России. Мы хотим проследить, в каких исторических условиях возникли и какие задачи ставили перед собой при возникновении отдельные разделы нашей науки — античная, славяно-русская, первобытная и восточная археология; когда впервые была осознана важность охраны археологических памятников, и т. д. Поскольку все эти разделы археологии складывались одновременно, мы не можем ограничить свое изложение твердыми хронологическими рамками. Рассказав о том, как в начале XIX в. определилось лицо античной археологии, мы не будем говорить о ее дальнейшем развитии, тогда как в связи с историей зарождения первобытной археологии нам придется касаться 70-х и 80-х годов XIX в., а в связи с проблемой охраны памятников даже начала XX в.

Автор сознает, что исследование новой темы грозит ему рядом неизбежных ошибок. При анализе работ ученых

⁹ М. К. А за до вс к и й. История русской фольклористики, т. I. М., 1958.

¹⁰ М. Г. Х у д я к о в. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933.

прошлого легко впасть в две крайности. Иногда из безнадежно устаревшего или даже заведомо ошибочного контекста какой-нибудь старой работы исследователь выбирает отдельные трезвые мысли, и придает им характер неких откровений, предполагая, что именно эти мысли определили дальнейшее развитие науки. Между тем, восхваляемые высказывания, действительно верные в своей основе, не могли выделяться современниками из ошибочного контекста и обычно проходили незамеченными, не сыграв никакой роли в развитии науки. Литература по истории науки, выходявшая в период 1947—
✓1953 гг., в сильной степени грешила этим недостатком.

Для истории русской археологии можно привести такой пример. Автор интересной монографии об исторических взглядах декабристов С. С. Волк пытался доказать приоритет Ф. Н. Глинки в исследовании палеолита по отношению к работам Буше де Перта ¹¹. Можно даже не читать удивительно наивных статей Глинки ¹²; достаточно вспомнить, что он вел свои изыскания в Тверской губернии, где палеолит и сейчас не найден, чтобы понять всю тщетность попыток С. С. Волка. Вырванные из контекста отдельные верные замечания Глинки, приведенные С. С. Волком, никакой роли в истории археологии не сыграли. Такого рода переоценки наших предшественников избежать очень трудно. Когда держишь в руках издание XVIII или начала XIX в. и находишь в нем какое-либо беглое замечание, сохранившее силу до сих пор, поневоле готов придать ему слишком большое значение. Но вырывать из общей системы взглядов автора отдельные замечания было бы неправильно.

Кроме того, нельзя одинаково оценивать высказывания, основанные на научных исследованиях, и высказывания, исходящие из простого здравого смысла. На любых раскопках землекопы сами отличают материк от культурного слоя, указывают на перекопы, замечают, что вещи, лежащие ниже, — древнее. Люди без всякой научной подготовки делают определенные стратиграфические

¹¹ С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. М.— Л., 1958, стр. 151.

¹² Ф. Н. Г л и н к а. О древностях в Тверской Карелии. СПб., 1836.

наблюдения. Их подсказывает им простой здравый смысл. А мы нередко переоцениваем такого рода наблюдения, встречая их, скажем, в изданиях XVIII в. Итак, перед нами опасность переоценки работ старых русских археологов.

Но, с другой стороны, не меньше и опасность недооценки. Многие из того, что кажется сейчас очевидным, в действительности добыто путем большой работы нескольких поколений ученых. И бывает, что при просмотре старой литературы мы пропускаем впервые высказанную ценную идею, считая, что речь идет об общеизвестном. Часто мы предъявляем к ученым прошлого слишком высокие требования, забывая, что мы не вправе требовать от ученых XIX в. того, что стало достоянием современной научной методик. Ниже, говоря о роли А. С. Уварова в развитии русской археологии, мы столкнемся именно с такой оценкой его работ.

К числу трудностей, стоящих перед нами, надо отнести и отбор фактов из колоссального материала по истории науки. Чтобы представить себе объем этого материала, достаточно привести такой пример. В конце XIX в. историк Н. П. Барсуков задумал написать книгу о М. П. Погодине. Количество источников оказалось столь значительным, а желание исследователя учесть все имеющиеся у него данные — столь сильным, что вышло 22 тома работы «Жизнь и труды М. П. Погодина»¹³, причем автор так и не успел завершить свой труд. Таковы размеры материалов об одном ученом. Каков же объем сведений по истории русской науки вообще! Естественно, что, если мы хотим подняться над фактами, а не потонуть в них, мы должны провести отбор материала. Здесь, в особенности на первых порах, неизбежен субъективизм.

Автора, вероятно, будут упрекать — зачем он уделит много внимания одним ученым (скажем, В. В. Пассеку) и оставил в стороне других, пользующихся большей известностью. На это можно ответить так: нас интересуют не полевые открытия археологов, а идеи исследователей. Все мы знаем, что крупные полевые открытия делаются нередко совсем не крупными учеными, получающими

¹³ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1910. |

известность благодаря своим находкам. В ряде случаев такие открытия могут определить на известное время направление развития данной области знания, но развитие идей и методов науки играет большую роль. В этой книге мы будем говорить не столько о полевых открытиях русских археологов, сколько об идеях ученых.

Здесь — новая трудность. Можно назвать многих археологов, которые внесли в науку большой вклад, но ограничились фактологическими работами, не излагая своих теоретических установок. Нас же, в связи со сформулированными выше задачами работы, интересуют как раз общие взгляды исследователей прошлого. Поэтому мы больше говорим о тех археологах, кто оставил определенное теоретическое наследие, кто четко выразил цель своих работ, кто не стоял в стороне от вопросов русской жизни своего времени, и меньше внимания уделяем узким специалистам.

Археологи представляются многим какими-то французскими чудаками, совершенно оторванными от реальной жизни и погруженными в исследование никому ненужных вопросов. Такое представление, конечно, неверно, хотя и в нашей науке, как и во всех других, было немало узких специалистов, интересовавшихся только своей специальностью, ученых, для которых исследование древностей было самоцелью. Но в области археологии работали и совсем другие люди. Напомним хотя бы о создателе науки о палеолите Габриэле Мортилье, участнике революции 1848 г., страстном борце с клерикализмом¹⁴.

Начало изучения древнейшего прошлого человечества вовсе не было делом, далеким от насущных задач XIX в. Это было боевое, революционное дело. Или обратный пример — археологи гитлеровской Германии, стремившиеся подкрепить археологическим материалом расовую теорию, претензии Гитлера на захват чужих земель, объявленных древнегерманскими. На страницах журналов «Mannus» и «Præhistorische Zeitschrift» 1939—1944 гг. мы видим фотографии археологов с перевязями со свасти-

¹⁴ См. о нем прекрасную статью С. Н. Замятина и П. И. Борисковского «Габриэль-де Мортилье». «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7—8, стр. 88—107.

кой на рукавах. Это портреты убитых на фронте археологов-фашистов. Образ такого археолога рисует в своем романе «Пляска смерти» Бернгард Келлерман, рассказывая о лекции профессора Галля, сборы от которой идут на нужды нацистской партии. Тема лекции «Культура древних германцев и раскопки в Амзельвизе». «Таковы были праотцы могучего народа, народа-творца, которого бог избрал для господства над миром, — вдохновенно воскликнул... профессор Галль... Громкие аплодисменты послужили ему наградой»¹⁵.

Так археология тесно связывается с политикой. В то же время, археология переплетается с искусством, с проблемами эстетики, и не только при своем зарождении или во времена Винкельмана, когда археологи вообще изучали лишь искусство античного мира. Нет, это характерно и для более близкого к нам времени.

Выдающийся русский художник Н. К. Рерих серьезно занимался археологией. Его статьи о памятниках неолита и славяно-русских древностях Новгородской земли¹⁶ и сейчас нередко цитируются археологами. Раскопки не были случайным увлечением художника. Рерих обратился к археологии в поисках истоков искусства, «изначальной красоты» и «радости искусства». «Хочется заглянуть вглубь, туда, где сумрак прошлого озаряется сверканьем истинных украшений», — говорит он в статье «Радость искусству»¹⁷.

Археологические раскопки вел и другой русский художник — А. М. Васнецов¹⁸, так же, как и Рерих, работавший над историческими сюжетами. В исследование античных и русских древностей немалый вклад внес В. В. Стасов¹⁹. С другой стороны, такой известный архео-

¹⁵ Б. Келлерман. Девятое ноября. Пляска смерти. М., 1955, стр. 453.

¹⁶ Н. К. Рерих. Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой. ЗОРСА, т. V, вып. 1. СПб., 1903; е го ж е. Каменный век на озере Пирос. ЗОРСА, т. VII, вып. 1. СПб., 1905.

¹⁷ Н. К. Рерих. Радость искусству. В кн. А. М ан т е л ь. Рерих. Казань, 1912, стр. 16.

¹⁸ А. М. Васнецов. Древнее симеризское кладбище. «Древности», т. XXIV. М., 1914, стр. 324—328.

¹⁹ В. В. Стасов. Владимирский клад. СПб., 1866; е го ж е. Катакомба с фресками, найденная в 1872 г. близ Керчи. «Отчет Археологической комиссии за 1872 г.». СПб., 1875, стр. 235—328.

лог, как В. И. Сизов²⁰, исследовавший Дьяково городище, Гнездовские курганы и другие важные памятники, был связан не только с археологией, но и с искусством. В конце своей жизни он был художником-консультантом Большого театра и принимал деятельное участие в постановках «Ивана Сусанина», «Дон-Кихота» и т. д.²¹ Археологией в России занимались такие разные люди, как создатель почвоведения В. В. Докучаев, герой кавказских войн генерал Н. Н. Муравьев-Карсский, писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк²². Все это противоречит бытовым представлениям о замкнутой касте археологов, оторванных от жизни.

Тесны и многообразны были связи нашей науки с русской культурой. В этой книге мы и попытаемся показать развитие русской археологии не замкнуто, не само в себе, а на широком фоне русской жизни, в связи с историей общества, историей культуры. При этом главным должен стать вопрос о задачах археологии, как они формулировались в разные эпохи представителями разных групп общества. Одни выдвигали на первый план исторические и политические задачи, другие подчеркивали связь археологии с проблемами культуры и искусства, третьи видели в археологии только одну из естественноведческих дисциплин. Вопрос о роли археологии в истории русского общества, о понимании ее задач, о спорах вокруг этого в период сложения археологической науки будет для нас центральным, но попутно мы будем касаться и других вопросов общего и методического порядка, важных и для развития современной русской археологии.

²⁰ См. о нем Д. Н. Анучин. О людях русской науки и культуры. М., 1950, стр. 260—272.

²¹ О театральной деятельности В. И. Сизова см. В. А. Тельковскій. Воспоминания. Пг., 1924, стр. 267 и др.

²² Д. Н. Мамин. Археологическая поездка по Уралу. «Древности», т. XV, вып. I. М., 1894, стр. 95—103.

ДОПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА

*Народные представления о древностях.
Отношение к археологическим находкам
в древней Руси*

Археология — молодая наука. Как особая дисциплина со своими задачами и методами исследования, она выделилась только в новое время. Но, как и у ряда других наук, у археологии есть своя предыстория, уходящая в глубокую древность.

Территория нашей родины густо насыщена археологическими памятниками. Даже сейчас, после тысячелетней распашки, после бесчисленных строительных работ заметно изменивших весь ландшафт страны, во многих местах археологические памятники бросаются в глаза каждому. Таковы степные курганы, городища лесной и степной полосы. Естественно, что и в древности, задолго до того, как курганами и городищами заинтересовались ученые, эти заметные остатки прошлого привлекали внимание народа. Прежде всего городища и курганы были ориентирами, хорошо известными всему окрестному населению.

Именно как ориентиры упоминаются археологические памятники в некоторых ранних письменных источниках. Так, в грамоте, определявшей границы угодий Киево-Печерского монастыря, приписываемой¹ Андрею Боголюбскому, названы два городища и четыре кургана — Перепет, Перепетовка, Великая могила и курган на Невеселовском поле¹. Эти курганы были найдены и раскопаны

¹ Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот. Киев, 1826, прибавление, стр. 4.

в середине XIX в. Оказалось, что они насыпаны над скифскими погребениями². В эпоху средневековья эти курганы были, следовательно, уже настоящими археологическими памятниками.

Пять раз, под 1093, 1095, 1149, 1151 и 1169 годами упоминает начальная летопись о длинных валах, расположенных к югу от Киева³. Время сооружения этих валов до сих пор не выяснено, но во всяком случае, как следует из тех же летописных упоминаний, в эпоху Киевской Руси валы уже не имели стратегического значения. Летопись говорит о них лишь для того, чтобы показать, где происходили события — «межи валома», «по валови». Возможно, что валы также относятся к скифскому времени. В пользу этого свидетельствует включение в линию валов некоторых скифских городищ.

Очень много археологических памятников перечислено в «Книге Большому Чертежу» 1627 г. Здесь как ориентиры названы «Думчий курган» у Донца, «Волотова могила» на Мечи, Змиево и длинный ряд других городищ, «человек камен» на речке Терновке, две «девки камни» на реке Самаре и т. д.⁴ Помимо городищ и курганов, ориентирами служили, таким образом, и типичные для причерноморских степей надмогильные изваяния — «каменные бабы».

Четвертый вид археологических памятников называет одна из грамот XVII в. Здесь как граница ясачных угодий указан «Писанный камень на р. Вишере»⁵ — наскальные изображения эпохи бронзы и раннего железа, впоследствии изученные археологами⁶.

Люди древней Руси не только замечали археологические памятники, но и пытались узнать, каково их про-

² Древности, изданные временной комиссией для разбора древних актов. Киев, 1846. В раскопках кургана Перепет принимал участие Т. Г. Шевченко. См. И. О. Иванцов. Шевченко і археологія. Сб. «Пам'яті Т. Г. Шевченка». Изд. Академии наук УССР. Киев, 1939, стр. 570—572.

³ ПСРЛ, т. I, стр. 94, 97, 139; т. II, стр. 96 и др.

⁴ Книга Большому Чертежу. М.—Л., 1950, стр. 62, 64, 65, 70, 71, 74, 78 и т. д.

⁵ В. Б е р х. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821, стр. 142.

⁶ В. Ф. Г е н и г. Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере. СА, XXI, 1954, стр. 259—278.

исхождение, хотели найти им объяснение. Наиболее просто решался вопрос о курганах и городищах. Обычай сооружать курганы над погребениями во многих районах Руси удержался до очень позднего времени. Столь же хорошо были знакомы людям древней Руси укрепления на мысах берегов рек и на отдельных холмах. Поэтому всем было ясно, что курганы, о которых никто не может сказать, когда они были насыпаны, или городища, где на памяти стариков уже никто не жил, — это древние могилы и поселения. Оставалось только решить, кто же похоронен в этих курганах, кто построил городища. Сложнее было объяснить происхождение таких памятников, как наскальные изображения или кости мамонта. Поражали также особенно большие курганы или огромные по протяжению валы под Киевом — следы древней жизни, превосходившие по своим размерам сооружения средневековой Руси. Появление таких загадочных памятников объясняли вмешательством великанов или нечистой силы. Так возникло множество легенд о происхождении городищ, курганов и других археологических памятников.

В народе эти легенды дожили до XIX и XX вв. и попали в записи фольклористов. Нередко мы можем проследить корни таких легенд до глубокой древности. Широко распространены рассказы о великанах — «волотах». На Украине волотам приписывали, в частности, кости мамонта, находимые в оврагах и при рытье колодцев⁷. Насколько древни эти представления, показывает грамота 1684 г., где говорится о находке костей волота в Воронежском крае⁸. Отсюда же названия «Волотова могила», «Волотово городище», встречающиеся в «Книге Большому Чертежу», западнорусское наименование курганов — «волотовки», известное по грамотам XVI—XVII вв.⁹

В XIX в. были записаны разные варианты легенды о происхождении упомянутых летописью «Змиевых валов» на Украине. В легендах рассказывалось, что валы — это

⁷ А. Н. Веселовский. Русские и вильтины в саге о Тидрике Бернском (Веронском). «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XI, кн. 3. СПб., 1906, стр. 15—18.

⁸ С. Н. З а м я т н и н. Первая русская инструкция для раскопок. СА, XIII, 1950, стр. 288.

⁹ А. Н. Веселовский. Указ. соч., стр. 15—18.

Каменный лабиринт («Вавилон») близ Кандалакши (по Ч. Н. Гуриной)

отвал борозды, проведенной плугом, в который запряг грозившего Киеву страшного дракона-Змия киевский богатырь Кирило Кожемяка¹⁰. В летописи мы тоже находим рассказ о молодом кожевнике («кожемяка»), обладавшем чудовищной силой. Показывая свою силу князю, он голой рукой вырвал клочок мяса у разъяренного быка, а в решающей схватке победил страшного печенежина и этим спас Киев от набега кочевников¹¹. Видимо, это разные варианты одной легенды, в которой создание огромных по протяженности валов под Киевом приписывалось укротившему чудовище богатырю.

Наконец, от конца XVI в. до нас дошла специальная запись легенды о происхождении характернейших для русского Севера археологических памятников — каменных выкладок в виде лабиринта, относящихся, как

¹⁰ В. Антонович. Змиевы валы в пределах Киевской земли. «Киевская старина», 1884, № 3. Киев, стр. 361, 362.

¹¹ ПСРЛ, т. IX, стр. 65, 66.

недавно выяснено, к началу I тысячелетия до н. э.¹² (см. рис. на стр. 14). В 1592 г. два видных русских дипломата Григорий Борисович Васильчиков и князь Семен Григорьевич Звенигородский были посланы в Кола для переговоров с послами Христиана IV о русско-датской границе в Лапландии. Выясняя, где шла древняя межа русских и норвежских владений, наши послы записали легенду о карельском богатыре Валите или Варенте, служившем Новгороду Великому и победившем «норвежских немцев»: «А в Варенге, на побоище немецком, где Варенской летней погост, (Валит.— А. Ф.) на славу свою принесши с берегу своими руками, положил камень, в вышину от земли есть и ныне больше косые сажени, а около него подале выкладено камнем как бы городской оклад в 12 стен, а назван был у него тот оклад Вавилоном. А в Коле, где ныне острог, обложено было у него камнем в 12 стен тем же обычаем, и тот камень, что в Варенге, и посеячас слово Валитов камень, а что было в Коле развалено, как острог делали»¹³. Может быть, имя Валит — только вариант слова «волот», как думал академик А. Н. Веселовский¹⁴, но может быть, эта легенда сложена о реально существовавшем лице. По новгородским летописям XIV в. мы знаем о двух воеводах по имени Валит¹⁵.

Итак, бытующие еще и сейчас легенды о том, что на городищах жили богатыри, что богатырь похоронен в том или ином кургане¹⁶, существовали еще в древней Руси. Люди древней Руси думали, что поражавшие их своими размерами древние укрепления и курганы — дело рук великанов и богатырей.

Очень часто в деревнях можно услышать легенды о кладах, зарытых разбойниками на городище или в кур-

¹² Н. Н. Г у р и н а. Каменные лабиринты Беломорья. СА, X, 1948; е е ж е. О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцова морей. МИА, № 39, 1953.

¹³ Н. М. К а р а м з и н. История Государства Российского, т. XI. СПб., 1824, примечания, стр. 20.

¹⁴ А. Н. В е с е л о в с к и й. Указ. соч., стр. 15—18.

¹⁵ А. И. П о п о в. Валит. «Советское финноугроведение», т. V. Петрозаводск, 1949, стр. 132—138.

¹⁶ См., например, И. Л а р и о н о в. Легенды озера Чудского, преданья Псковской старины. Псков, 1956, стр. 35.

ганах ¹⁷. Это тоже древние легенды. В XVII в. во многих местах Средней России возникла эпидемия кладоискательства. «Сыские дела» — акты, составленные властями, посланными проверить слухи о находке клада, содержат сведения о десятках грабительских раскопок в курганах и на городищах Курской, Воронежской, Мценской округи. В этих актах часто приводится легенда о разбойнике Кудеяре и говорится, что кладоискатели хотели сыскать «Кудеярову поклажу» ¹⁸.

Третий вид легенд об археологических памятниках связывает их с определенными историческими лицами или событиями. Если в XVI в. сооружение северных лабиринтов приписывали Валиту, то в XIX в. в народе считали, что лабиринты сложены Петром I или Пугачевым ¹⁹. Жители Малоярославца не сомневаются, что славянское городище XIV в. в черте города осталось от войны 1812 года. С разными событиями в истории России связано происхождение названий курганов — «шведские могилы» на Украине, «французские могилки» и т. д. Это явление свойственно не только русским. Казахи все древние погребальные сооружения в степи называют «Калмак-мола» — калмыцкие могилы, относя их к «годам великого бедствия» — началу XVIII в., времени войны с калмыками.

Но если большинство таких легенд просто переносит на древние памятники более свежие исторические воспоминания, то отдельные легенды, возможно, сохраняют зерно исторической правды. В «Повести временных лет» под 945 г. говорится о кургане над могилой Игоря: «Есть могила его у Искоростеня града в деревьях и до сего дне» ²⁰. Через 750 лет, в 1710 г. жители Коростеня показывали В. Н. Татищеву курган, считавшийся могилой Игоря ²¹.

¹⁷ Многочисленные записи преданий о кладах в курганах см.: В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903, стр. 6—66; Чудские памятники и предания о панах. «Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 г.», отдел III, стр. 113—130.

¹⁸ Н. Я. Новомбергский. Клады и кладоискательство в Московской Руси XVII столетия. ЖМНП, 1917, № 2.

¹⁹ Н. Н. Гурина. Каменные лабиринты..., стр. 130.

²⁰ ПСРЛ, т. I, стр. 23.

²¹ В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен. М., 1773, стр. 389.

Легендарному князю Черному приписывало население Чернигова большой курган на окраине города. И раскопки показали, что это, бесспорно, не рядовое, а княжеское погребение ²².

Крест XIV—XV вв., выбитый поверх неолитических наскальных изображений в урочище Бесовнос в Карелии (по В. И. Равдоникасу)

Наконец, некоторые памятники прошлого вызвали в народе суеверный страх и считались связанными с нечистой силой. В районе неолитических наскальных изображений Карелии до недавнего времени сохранялась

²² Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11. 1949, стр. 52.

легенда о бесе и бесихе²³, восходящая, несомненно, к глубокой древности. «Этот бес и нарисован на скалах «Бесова носа», — говорили местные жители. Раньше это убеждение было, конечно, еще прочнее. Недаром, в XIV или XV в. монахи Муромского монастыря выбили поверх изображения «беса» крест и монограмму Христа²⁴ (см. рис. на стр. 17).

Итак, люди древней Руси проявляли немалое любопытство к курганам, городищам, наскальным изображениям и другим археологическим памятникам и пытались их осмыслить. В этом осмыслении много наивного, но в нем есть и крупицы истины. Так, и городища, и курганы народ считал следами далекого прошлого. В городищах древнерусские люди всегда видели укрепления. Когда в начале XIX в. Э. Ходаковский начал научное исследование городищ, он считал их местами культа. Народная молва оказалась, как мы теперь знаем, более верной, чем мнение одного из основоположников археологии в России.

Если упоминания археологических памятников мы находим еще в документах эпохи Киевской Руси, то в XVI—XVII вв. интерес к этим памятникам стал более явным и активным. В связи с этим об остатках древностей стало известно гораздо больше, чем раньше. Прежде всего делались попытки извлечь из них какую-либо практическую пользу. Как мы уже говорили, от XVII в. до нас дошло множество сведений о грабительских раскопках на курганах и городищах.

Эти грабительские раскопки испортили немало археологических памятников, но как бы нам не были неприятны кладоискатели былых веков, надо отметить, что их раскопки дали самые первые, примитивные представления о том, что содержится в городищах и курганах. Когда землянский воевода обследовал в 1664 г., что за раскопки ведет поп Киприан на Кудеяровом городке на р. Ведуге, он дал одно из самых ранних описаний городища: «В прошлом де, в давних годах, был не то вор и разбойник Кудояр с товарищи, со многими людьми, и воровски де он большую казну собрав, стоял городком в степи... В степи про-

²³ Чудские памятники и предания о панах, стр. 108.

²⁴ В. И. Р а в д о н и к а с. Наскальные изображения Онежского озера. М.— Л., 1936, стр. 31.

меже двух гор лог насыпан землею, а длина той насыпи 85 сажен, поперек 12, а инде и 10 сажен, а сыпана в тот лог земля слоями — глина красная и серая и чернозем под глиною»²⁵. Воевода, как нетрудно сообразить, наблюдал разрез вала городища.

Находки вещей из драгоценных металлов в курганах и городищах Средней России столь редки, что в этом районе кладоискательство не получило большого размаха. Зато в Сибири, где в могилы эпохи раннего железа и тюркского времени золотые предметы клали достаточно часто, кладоискательство уже с XVII в. распространяется чрезвычайно широко²⁶. В XVII—XVIII вв. целые артели «бугровщиков», объединявшие до 300 человек, все летние месяцы раскапывали курганы. Кое-где кладоискательство стало даже профессией. При таких масштабах работ сибирские бугровщики имели возможность сделать больше археологических наблюдений, чем их курские и воронежские коллеги. По словам Г. Миллера, бугровщики начала XVIII в. уже знали, в каких типах могильных сооружений золото встречается, а в каких нет²⁷. Именно поэтому погребальные памятники первобытной эпохи сохранились в Сибири гораздо лучше, чем курганы и могильники эпохи железа. Кладоискатели знали, в каких районах больше богатых курганов, в каких курганах находятся листовенничные срубы, а в каких — каменные сооружения, где в могилах лежат драгоценные вещи, и т. д. У бугровщиков была своя классификация типов могильных сооружений. Они различали «чудские» и «калмыцкие» могилы, «сланцы» и «курганы»²⁸.

Таким образом, народная наблюдательность позволила заметить ряд деталей чисто археологического характера. Это в какой-то мере подготовило исследовательский подход к памятникам в XVIII в. Все ученые XVIII и

²⁵ Н. Я. Новомбергский. Указ. соч., стр. 173, 174.

²⁶ П. П. Пекарский. Известие времен царя Алексея Михайловича о золотых и серебряных вещах и посуде, попадавшихся в татарских могилах в Сибири. «Известия Археологического общества», т. V. СПб., 1865, стр. 38.

²⁷ В. В. Радлов. Сибирские древности. МАР, № 15, 1894, стр. 113.

²⁸ Г. И. Спасский. Древности Сибири. «Сибирский вестник» ч. 2. СПб., 1818.

начала XIX в., писавшие о сибирских курганах, ссылаются на сведения, полученные от бугровщиков.

Если поисками кладов в курганах занимались на свой страх и риск отдельные люди, то в государственном масштабе городища и курганы начали раскапываться с другой целью — из культурного слоя городищ и из курганной земли добывали селитру. В связи с этим в 1630 г. приказу Казанского дворца был дан государев указ отыскать в Тобольском, Томском и других сибирских уездах места «старых городищ и селищ»²⁹. Земля из курганов, как показывают источники XVII в., также широко использовалась для этих целей³⁰.

Практический интерес вызывал и еще один вид археологических памятников — остатки горных разработок эпохи бронзы и раннего железа на медных, оловянных и золотых месторождениях Урала и Сибири. По словам ученых XVIII в., едва ли не все русские металлургические заводы ставились на месторождениях, отысканных по следам «чудских копей»³¹. Первые известия о таком интересе к «чудским копиям» относятся еще к XVII в. Так, в отчете сына боярского Григория Лоншакова и казачьего десятника Филиппа Яковлева о поисках руд в верховьях реки Аргуни говорится: «И те старые копи, где у них закладено хрящем и камнем, все вычистили и выломали... и объявилось старой копи круглая яма в горе, в камени, в вышину полторы сажени, в ширину в сажень печатную... Да у той старой копи, выше и ниже по Тузячке речке, плавилен с двадцать. А какие де люди прежь сего в том месте руду брали и плавиле и про то мы Григорей и Филип с товарищи доведатца не могли»³².

Итак, по крайней мере шесть видов археологических памятников — курганы, городища, наскальные изобра-

²⁹ Н. Н. О г л о б л и н. «Сыскные дела» о кладах в XVII веке. «Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца», кн. VII. Киев, 1893, стр. 119.

³⁰ А. А. С п и ц ы н. Майданы. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1. СПб., 1906, стр. 1—4.

³¹ См., например, «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг.», ч. II. СПб., 1772, стр. 97, 98.

³² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией, т. X. М., 1867, стр. 328, 329.

жения, каменные бабы, лабиринты и древние горные разработки — были известны в древней Руси. Незамеченными оставались стоянки, селища — памятники, не имеющие признаков на поверхности. Но два вида находок на стоянках привлекали внимание. Это — каменные наконечники стрел неолитической эпохи и кости мамонта. Как и по всему Старому Свету, кремневые наконечники назывались на Руси «громовыми стрелами». Согласно повериям, записанным во многих местах в XIX в. «громовые стрелы» в народе считали результатом удара молнии в землю и пользовались ими как целебным средством, амулетами, оберегами. Эти представления существовали уже в древней Руси. О «громовых стрелах» упоминают письменные источники — «Кормчая книга», «Домострой», «Луцидариус»³³. В культурном слое XIV в. в Новгороде Великом найден амулет — наконечник неолитического копья в медной оправе с изображением процветшего креста (см. рис. на стр. 21). Находки «громовых стрел» зафиксированы в двух вятических погребениях и во Владимирских курганах³⁴.

Интерес к костям мамонта носил другой характер. С. Н. Замятнин опубликовал грамоту 1684 г., вызванную сообщением о находке гигантских костей в Воронежском крае. Находчик думал, что это ноги «волота». В царском указе курскому воеводе предписывалось «ноги откопать,

Неолитический наконечник копья из культурного слоя Новгорода Великого, использованный как амулет в XIV в. (по М. В. Седовой)

³³ Н. Ф. В ы с о ц к и й. Очерки нашей народной медицины. «Записки Московского Археологического института». т. XI, 1911, стр. 148; А. С. У в а р о в. Археология России. Каменный период, т. I. М., 1881, стр. 9—16.

³⁴ М. В. С е д о в а. Амулет из древнего Новгорода. СА; 1957, № 4, стр. 166, 167.

а откопав, кости измерить, какова которая кость мерою в длину и в толщину и написать на роспись и на чертеже начертить»³⁵. С. Н. Замятнин называет эту грамоту первой русской инструкцией для раскопок. Может быть, это и слишком, но интерес ее бесспорен. Перед нами свидетельство бескорыстного любопытства к памятникам далекого прошлого. Это уже не интерес к кладу, к сокровищу, а зачатки научной любознательности.

Наконец, самые интересные сведения об археологических памятниках, дошедшие до нас от древней Руси, связаны с теми же северными лабиринтами. В конце XVI — начале XVII в. в долгом споре с Данией русская дипломатия отстаивала права России на «Лопскую землю». И вот в 1603 г. русские посланники И. С. Ржевский и С. В. Годунов впервые в истории России привлекли археологические памятники на службу политике. В грамоте, поданной датским послам С. В. Годуновым, говорилось: «И Лопская земля вся изстари к нашей отчине, к Новгородской земле, а взял ее войною наши отчины Новгородского пригорода корельской державец именован Валит, тож и Варент, а руское имя его Василей, которого и ныне есть в тех местах на Мурманском море в его имя городище Валиново и иные признаки, как вам о том подлинно объявлено»³⁶. Здесь имеется в виду приведенный выше рассказ о лабиринтах. Так, еще 350 лет назад, русская дипломатия осознала политическое значение археологии.

Таким образом, к XVIII в. русское общество пришло с определенным интересом к остаткам старины. Были известны самые разные памятники древности. Делались попытки так или иначе осмыслить их и использовать в

³⁵ С. Н. З а м я т н и н. Первая русская инструкция для раскопок, стр. 288.

³⁶ Русские акты Копенгагенского Государственного архива, извлеченные Ю. Н. Шербачевым. «Русская Историческая Библиотека», т. XVI. СПб., 1897, стр. 383. В грамоте, поданной С. В. Годуновым, как видно из ее контекста, вторично говорится об «археологических» обоснованиях русских прав на Кольский полуостров. В первый раз об этом говорилось, очевидно, в грамоте, поданной И. С. Ржевским, из которой заимствована приведенная выше цитата о Валите. Единственное упоминание этой грамоты с публикацией отрывка из нее мы находим у Карамзина (Указ. соч., стр. 43 44), не знавшего зато о второй грамоте.

практических целях. Было известно, что найти древности можно путем раскопок в земле. Такие раскопки уже производились, и не только с кладоискательскими целями. В 1420 г. во Пскове в период мора посадники и горожане, желая прекратить мор, хотели найти древнейшую в городе церковь Власия. Для этого был куплен «двор Артемьев», снесены постройки, после чего, проведя раскопки, горожане «обретоша престол»³⁷. Мы видим, что интерес к древностям на Руси был многогранен.

Но от всего этого до подлинной науки было еще далеко. Происхождение многих археологических находок не было понято. Это касается не только кремневых орудий и костей мамонта, но даже, как ни странно, предметов, обычных для самой древней Руси. Так, в Ипатьевской летописи рассказывается, что когда в Ладогое бывает «туча велика и находят дети наши глазки стеклянные и малыи и великыи, провертаны, а другие подле Волхова берутъ, еже выполоскываетъ вода, от них же взях боле ста»³⁸. Совершенно ясно, что речь идет о стеклянных бусах, вымывавшихся дождем из культурного слоя Ладогои. Но летописец, как видно из следующего затем текста, думал, что «глазки стеклянные» выпадают, как град, из «тучи великой».

Происхождение других археологических памятников было понято правильно, но научная ценность их совершенно не осознавалась. В 1626 г. под Путивлем в кургане были найдены золотые и серебряные вещи, видимо, I тысячелетия н. э. Находчик переплавил их и передал золото и серебро «на церковное строение»³⁹. Голландский путешественник Николай Витсен рассказывает о двух находках в Сибири. В 1688 г. в обрыве реки при устье Иртыша боярин Федор Головин нашел разрушенную могилу с серебрянными вещами. Среди них был сосуд с изображениями. «Боярин велел его вызолотить по причине редкости работы и места, где он его нашел». Еще печальнее была судьба находок под Тобольском: «Господин Салтыков из такого найденного в могилах серебра велел сделать себе саблю на память об этом замечательном обстоятель-

³⁷ ПСРЛ, т. V, стр. 23.

³⁸ ПСРЛ, т. II, стр. 4,5.

³⁹ Н. Н. О т л о б л и н. Указ. соч., стр. 119.

стве»⁴⁰. Таково отношение людей XVII в. к находкам древностей — ими интересуются, но научная ценность и необходимость сохранять эти вещи неприкосновенными еще не поняты. «Русские не любят древностей», — обобщает свои наблюдения Витсен⁴¹.

Правда, в XVII в. уже существует Оружейная палата, где сохраняются более века многие памятники прошлого. А. В. Арциховский называет поэтому Оружейную палату первым русским музеем и отводит ей видное место в истории русской археологии⁴². Но здесь мы, безусловно, имеем дело с явлением совершенно иного порядка. Сохраняется золотая и серебряная посуда, ценное оружие, одежды, принадлежавшие известным деятелям Московского царства. Бесспорно, этими вещами дорожат, оберегают их, но это совсем не то, что предметы, извлеченные из земли. Это вещи конкретных людей, известных хотя бы по рассказам, сохраняемые потомками. До сбережения памятников древности, найденных в земле, оставленных неведомыми народами, отсюда еще очень далеко; не говорим уже о специальном собирании таких памятников.

Первые сведения о коллекциях древних вещей из курганов относятся только к началу XVIII в. В дневнике путешествия по Сибири в 20-х годах XVIII в. Д. Г. Мессершмидт отметил несколько таких частных коллекций⁴³. Возможно, что некоторые из них появились независимо от указов Петра о собирании древностей, еще в конце XVII в. Но даже это не меняет картину в целом.

XVII век еще спокойно смотрел на разграбление тысяч курганов и уничтожение городищ для добычи селитры. Проблему регистрации и охраны археологических памятников поднял только XVIII век.

⁴⁰ Цитирую по В. В. Р а д л о в у. Сибирские древности. МАР, № 3, 1888, стр. 4.

⁴¹ В. В. Р а д л о в. Сибирские древности. МАР, № 15, стр. 129.

⁴² А. В. А р ц и х о в с к и й. Археология. В кн. «Очерки по истории исторической науки в СССР», ч. I. М., 1955, стр. 523, 524.

⁴³ В. В. Р а д л о в. Сибирские древности. МАР, № 3, 1888, стр. 10, 11.

XVIII ВЕК

*Начало собирания и описания
археологических памятников.
Особенности археологии XVIII в.*

В знаменитом указе Петра I о собирании коллекций для Кунсткамеры, вышедшем 13 февраля 1718 г. говорилось: «Также, ежели кто найдет в земле, или в воде какие старые вещи, а именно: каменья необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенным; также какие старые надписи на каменьях, железе или меди, или какое старое, необыкновенное ружье (т. е. оружие. — А. Ф.), посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно — такожь бы приносили, за что будет довольная дача»¹. Это распоряжение великого преобразователя России положило начало подлинно научному подходу к русским древностям — впервые памятники прошлого были объявлены ценностью, подлежащей сохранению в государственном музее. Петр знал о переливках находок из драгоценных металлов. С этим связан специальный указ, касающийся Сибири, где находки золотых и серебряных вещей были особенно многочисленны. 16 февраля 1721 г. было приказано «Куриозные вещи, которые находятся в Сибири, покупать сибирскому губернатору, или кому где подлежит, настоящею ценою и не переплавдивая, присылать в Берг и Мануфактур-Коллегию, а в оной, потому ж не переплавливая, об оных докладывать его величеству»².

¹ ПСЗ (1 собр.), т. V, № 3159.

² ПСЗ (1 собр.), т. VI, № 3738.

Петр понимал, что сдачу древностей надо поощрять. Поэтому во всех указах идет речь о вознаграждении находчикам. Об этом говорит и особая записка Петра, поясняющая, какая плата будет выдаваться за находки. Здесь сделано еще одно указание: «Один гроб с костми привезь не трогая. Где найдутца такие, всему делать чертежи»³. Петр, таким образом, выдвинул задачу сбора и сохранения отдельных находок, выяснения обстоятельств находки, полевой ее фиксации, описания памятников.

Всем этим письменным постановлениям о сборе древностей предшествовали, очевидно, устные распоряжения Петра. Во всяком случае, еще за два года до первого указа, в 1716 г., князь Гагарин прислал царю коллекцию вещей из сибирских курганов, ссылаясь на его повеление «приискать старых вещей, которые сыскивают в земле древних поклаж»⁴. Еще раньше, в 1715 г., коллекция сибирского курганного золота была поднесена Екатерине I Демидовым⁵, а в 1707 г. из Киева был прислан в столицу клад древних восточных монет, причем несколько монет из клада незамедлительно послали царю, находившемуся в походе⁶. Видимо, еще до указа 1718 г. Петр принял меры к собиранию древностей в России.

Не ограничиваясь законодательными распоряжениями, Петр сам показал пример обществу, как относиться к остаткам старины. В 1722 г., направляясь через Казань в Персидский поход, он захотел осмотреть развалины древнего Болгара. При осмотре Петр обратил внимание на ряд надписей и велел их скопировать. Уже покинув Казань, Петр, по словам Штелина, «приметивши притом, что сии памятники столь славных некогда Булгар весьма уже много повреждены были временем и впоследствии... совсем могут истребиться... прислал из Астрахани Казанскому губернатору повеление отправить немедленно к остаткам разоренного города Булгара несколько ка-

³ Распоряжение Петра I о вознаграждении за археологические находки. РС, 1872, № 10, стр. 474.

⁴ А. А. Спицын. Сибирская коллекция Кунсткамеры. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1. СПб., 1906, стр. 235.

⁵ Там же, стр. 230.

⁶ Е. В. Барсов. О кладе, найденном в Киеве при Петре Великом. «Древности», т. IX, вып. II—III. М., 1883, протоколы, стр. 22, 23.

Развалины в Болгаре; на первом плане так называемая «Белая палата». Литография из альбома Демидова по рисунку А. Дюрона 1839 г. (Государственный Исторический музей)

меньщиков с довольным количеством извести для починки поврежденных и грозящих упадком строений и монументов, пепись о сохранении оных, и на сей конец всякий год посылать туда кого-нибудь осматривать для предупреждения дальнейшего вреда»⁷.

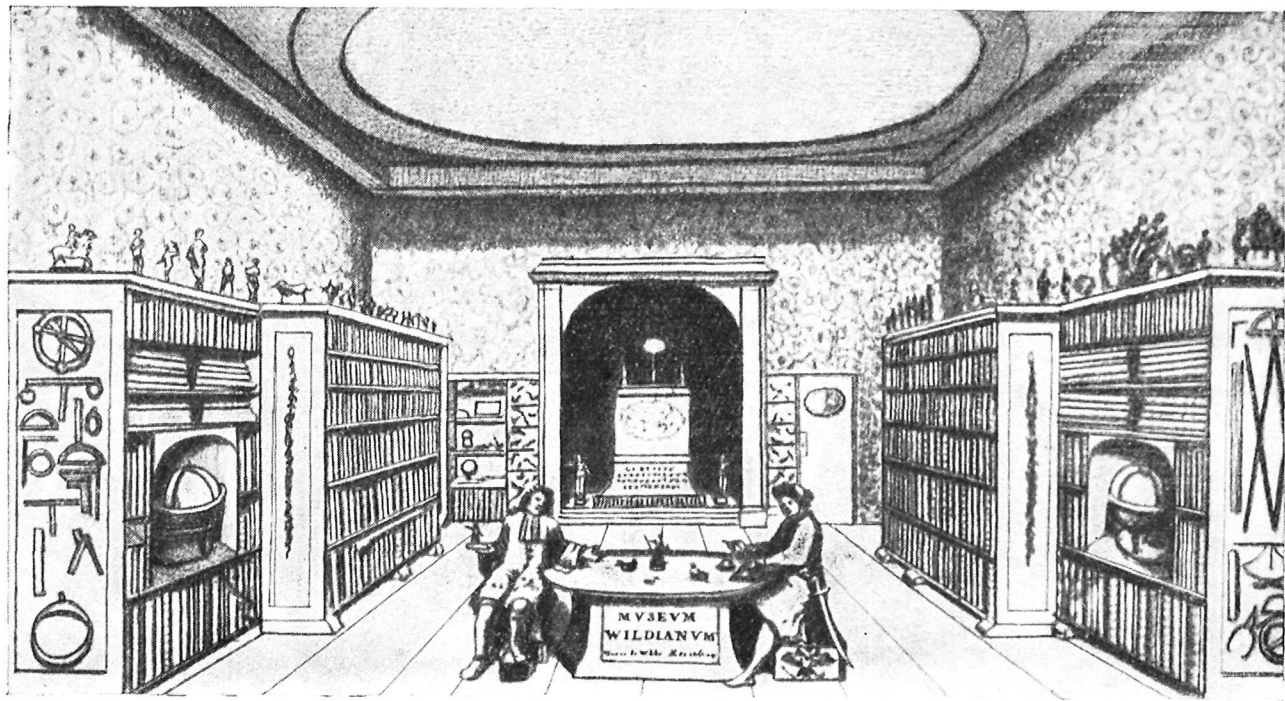
Из всех этих рассказов мы видим, сколь значительный перелом в отношении к археологическим памятникам произошел в петровскую эпоху. Пусть в XVIII в. в Сибири еще ведутся грабительские раскопки и гибнут многие археологические комплексы, — первый шаг уже сделан, понята ценность археологических памятников, на смену любопытства к ним пришел научный интерес.

Это важное для истории археологической науки явление, конечно, неразрывно связано с явлением гораздо более широким — сложением в начале XVIII века новой русской культуры, идущей по европейскому пути развития. В этом широком явлении есть, как известно, две стороны: результат творческих усилий Петра, учившегося у западной культуры во время своих заграничных путешествий, призывавшего к такой же учебе русское общество, и органическая связь с путем, пройденным Россией за XVII столетие. Те же две стороны мы можем различить в интересующем нас более узком явлении.

Во время путешествий на Запад Петр бывал в музеях древностей. Известна голландская гравюра 1700 г., изображающая Петра в музее Якоба Вильде в Амстердаме: царь осматривает древние монеты и, видимо, античную статуэтку⁸ (см. рис. на стр. 29). Знакомство с западноевропейскими музеями не могло не повлиять на решение Петра начать сбор древностей. Но, как мы видели, и в России к началу XVII в. немало знали о разных археологических памятниках, рассказывали о них исторические предания и сохраняли в Оружейной палате вещи давностью в несколько столетий. Таким образом, перелом в отношении к древностям, связанный с указами Петра, был подготовлен интересом к памятникам прошлого в России XVII столетия.

⁷ Я. Ш т е л и н. Подлинные анекдоты о Петре Великом, ч. I. М., 1830 (3 изд.), стр. 130. Ср. [И. И. Г о л и к о в]. Деяния Петра Великого, ч. VIII. М., 1789, стр. 194.

⁸ П. П. П е к а р с к и й. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 8, 9.

Петр I в музее древностей Якоба Вильде в Амстердаме. Гравюра-Марии Вильде 1700 г.

Велика была роль и самой гениальной личности Петра. А. В. Арциховский справедливо замечает, что «ни ископаемое оружие, ни ископаемая посуда еще не интересовали тогда ученых Западной Европы»⁹. В решении собирать не только памятники древнего искусства, но и бытовые вещи, как и в требовании наносить на чертежи условия археологических находок, Петр опередил уровень развития современной ему науки о древностях.

XVIII век выполнил оба завета Петра — в течение всего столетия проводились и сбор археологических находок для Кунсткамеры и запись сведений о памятниках старины. В 1720 г. Петр посылает в Сибирь Д. Г. Мессершмидта (1685—1735), который проводит там семь лет, посещает Томск, Красноярск, Иркутск, Нерчинск, достигает Монголии. Во время этой поездки он покупал и собирал древности, сделал много зарисовок; проводились и раскопки¹⁰. Г. Ф. Миллер (1705—1783) во время своего десятилетнего пребывания в Сибири (1733—1743) также коллекционирует древности для Кунсткамеры¹¹. И если в русских музеях нет археологических находок, сделанных в XVII в., то находки XVIII в. сохранены. Среди них известная сибирская коллекция Эрмитажа¹² (см. рис. на стр. 31).

Важнейшим предприятием XVIII в. была широкая постановка сбора сведений о городищах, курганах и других археологических памятниках. Известны как инструкции и анкеты ученых, составленные для сбора материалов, так и законодательные постановления по этому вопросу. Инструкции, как собирать сведения об археологических памятниках, составляли В. Н. Татищев¹³, М. В. Ломоносов¹⁴, Г. Ф. Миллер¹⁵. Любопытно, что из этих ин-

⁹ А. В. Арциховский. Археология. Большая Советская Энциклопедия, т. 3, 1950, стр. 167.

¹⁰ В. В. Радлов. Сибирские древности. МАР, № 3, 1888, стр. 5—19.

¹¹ Там же, № 15, 1894 стр. 125, 126.

¹² А. А. Спицын. Сибирская коллекция Кунсткамеры.

¹³ В. В. Радлов. Сибирские древности. МАР, № 15, стр. 142, 143.

¹⁴ Д. М. Гурвич. Ломоносов и археология. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XLI, 1951.

¹⁵ В. В. Радлов. Сибирские древности. МАР, № 15, стр. 106—114.

Золотая бляха II—I вв. до н. э. из «сибирской коллекции Петра I», изображающая сцену борьбы зверей (Государственный Эрмитаж)

струкций две первые составлены для геодезистов. Описание памятников мыслилось как часть географического описания страны. 9 апреля 1771 г. Сенат предписал землемерам при снятии уездных планов включать в журналы замечания о курганах, пещерах и развалинах¹⁶. Собранные тогда сведения и сейчас представляют интерес как материал для археологической карты¹⁷. Таким образом, сбор сведений о древностях был поставлен в XVIII в. поистине в государственном масштабе.

Знаменитые «ученые экспедиции» Академии наук неизменно давали и сведения об осмотренных по пути древностях. В «Дневных записках путешествия» Николая Петровича Рычкова (1746—1784) много страниц посвящено камским и волжским городищам, а планы их приложены к книге¹⁸ (см. вклейку). Рисунки древностей и планы городищ появляются и в других изданиях XVIII в.

¹⁶ ПСЗ (1 собр.), т. XIX, № 13593.

¹⁷ См., например, С. И. Порфирьев. Древности Казанского края в актах генерального межевания. ИОАИЭ, т. XX, вып. 1—3. Казань, 1904, стр. 1—16.

¹⁸ Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова

Их по праву можно считать первыми русскими археологическими публикациями. Иван Иванович Лепехин (1740—1802) отметил ряд курганов, каменных баб и городищ на Нижней Волге. В других разделах «Дневных записок» Лепехина говорится о чудских копиях на Урале, в частности о находках древних инструментов горного дела на Гумешевском руднике, о городище на Вятке, о следах селищ в Мезенской округе. Целый раздел книги Лепехина отведен описанию Болгара, составленному сотрудником экспедиции, тогда студентом, а впоследствии академиком Николаем Яковлевичем Озерцовским (1750—1827). По отдельности охарактеризованы 44 объекта на городище и приведены переводы 50 надписей на надгробиях ¹⁹.

И. Г. Георги (1768—1802) в дневниках своего путешествия упоминает об осмотре многих городищ и курганов в Западной Сибири, в Прикамье и в Поволжье ²⁰. Василий Федорович Зуев (1754—1794) во время путешествия в Херсон осматривал курганы по Днепру, в том числе и прославившийся после раскопок И. Е. Забелина Чертомлыцкий курган. Больше всего заинтересовали Зуева каменные бабы. Два изваяния он подробно описывает ²¹, а изображения их приводит в своей книге. Множество древностей описано Петром Симоном Палласом (1741—1811). Среди них античные памятники, пещерные города и средневековые укрепления — исары Крыма, находки в древних рудниках Урала и Сибири, Енисейские курганы и т. д. ²² Как видим, во время ученых путешествий

по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770, стр. 3—25, 44—52, 140—142, 148—150; Продолжение журнала или дневных записок путешествия кашитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1772, стр. 56, 70, 74—79, 81, 82, 115, 116, 126, 130.

¹⁹ Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, ч. I. СПб., 1771, стр. 234, 235, 265—283, 336—341, 378—380, 392, 393, 425; ч. II, 1772, стр. 97, 98, 276, 277; ч. III, 1780, стр. 226, 227; ч. IV, 1805, стр. 203—205.

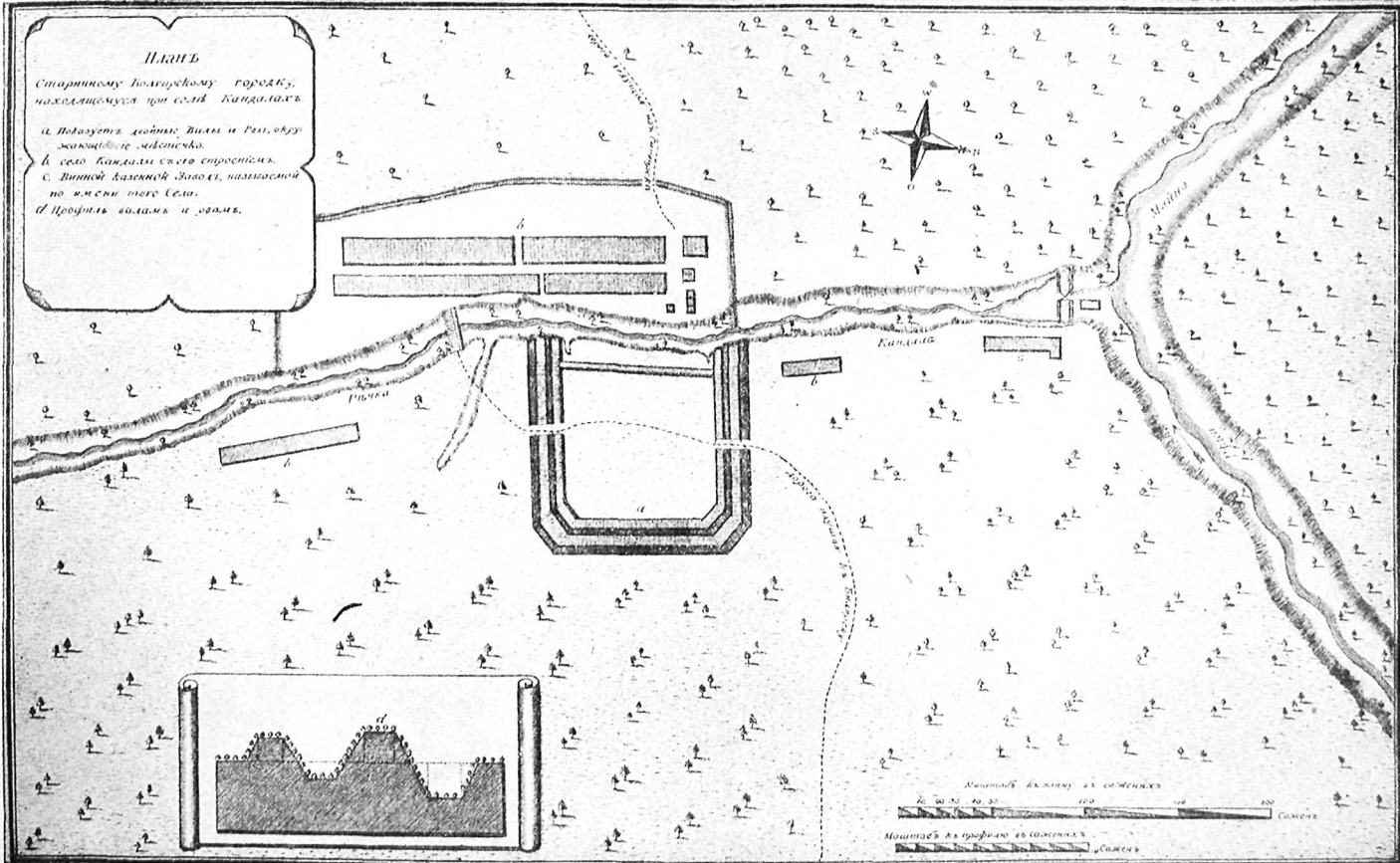
²⁰ I. G. G e o r g i. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. Zweiter Band. S.- Ptsb., 1775, S. 527, 555, 617, 633, 863 и др.

²¹ Путешественные записки Василья Зуева от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 гг. СПб., 1787, стр. 246, 264—267.

²² П. С. П а л л а с. Путешествие по разным провинциям Российского государства, т. III, первая половина. СПб., 1788, стр. 537—

ПЛАНЪ

Старинному Волгускому городку,
находящемуся при селѣ Кандалахъ
и показаны здѣшныя Вѣжи и Рвы, окру-
жающіе и мѣстныя
и село Кандалы съ его строениями,
с Вѣжной Дзевкой Заводомъ, находящейся
по имени этого Села.
и Профиль валами и рвовъ.

План и разрез вала и рвовъ городища в с. Кандалахъ, снятый Н. П. Рыжковымъ

Академии археологические памятники зафиксированы в самых разных районах страны: в Крыму, в Приднестровье, в Поволжье, на Урале и на Крайнем Севере.

Но особенно повезло в XVIII в. Сибири. Богатые находки в курганах, наскальные изображения, каменные изваяния, следы горных разработок, древние развалины, кости мамонта — все привлекает внимание путешественников. Уже в первой половине XVIII в. обширные сведения обо всех этих древностях собирают, помимо Мессершмидта, геодезисты В. и И. Шиховы, пользовавшиеся анкетой Татищева, и особенно Сибирская экспедиция Г. Ф. Миллера и И. Ф. Гмелина²³.

Кроме сбора древностей и описаний археологических памятников, в XVIII в. проводились и первые раскопки. Уже в 1722 г. Мессершмидт копает в Сибири, стремясь «узнать, каким образом эти язычники в старину устраивали свои могилы»²⁴. В 1734 г. Миллер под Усть-Каменогорском исследует курганы, желая «усмотреть внутреннее их состояние и положение костей»²⁵. В 1763 г. генерал А. П. Мельгунов раскапывает замечательный скифский курган — Литую могилу под Елисаветградом. В 1772 г. раскопки курганов в Сибири проводит Паллас, чтобы «иметь некоторое понятие о внутреннем их состоянии»²⁶. Все эти раскопки позволили составить об археологических памятниках России, в первую очередь о курганах, достаточно четкое представление.

К 1740 г. относится замечательный документ — инструкция, написанная Миллером для адъютанта И. Фишера. Фишер должен был сменить Миллера в Сибирской экс-

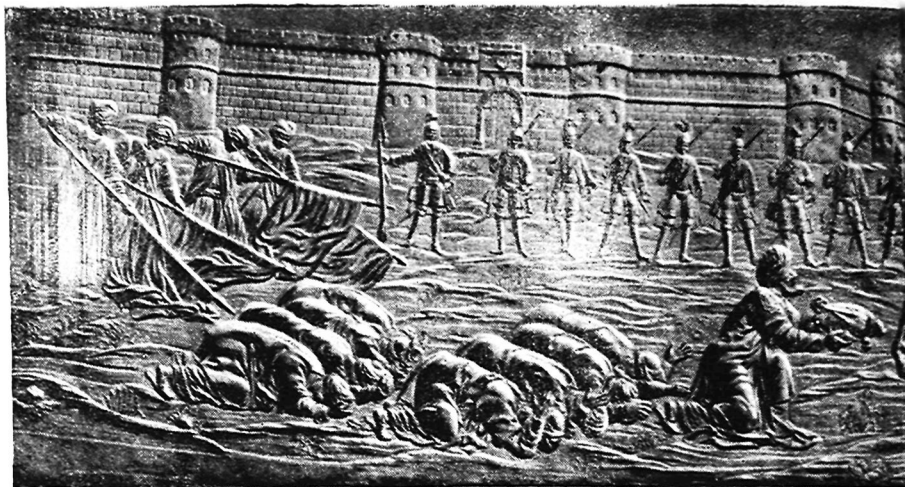
541; е г о ж е. Рассуждение о старинных рудных коях в Сибири и их подобии с венгерскими, различествующими от копей римских. «Академические известия на 1780 г.», ч. V, стр. 312—337; е г о ж е. Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань. ЗООИД, т. XII, 1881; т. XIII, 1883.

²³ Материалы Гмелина, Миллера, Шиховых и др. собраны В. В. Радловым в «Сибирских древностях». МАР, № 3, 1888; № 5, 1891; № 15, 1894.

²⁴ В. В. Р а д л о в. Сибирские древности. МАР, № 3, стр. 13.

²⁵ Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных. «Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах», 1764, декабрь, стр. 494.

²⁶ П. С. П а л л а с. Путешествие по разным провинциям..., стр. 504.

Изображение Дербентской стены на медном чеканном барельефе столпа в память Петра I (Госу-

педиции, и Миллер хотел передать ему свой опыт, чтобы Фишер не начинал, как он, с самого начала. Эта инструкция, состоящая из 100 пунктов, показывает, как много уже было известно ученым XVIII в. об археологических памятниках и что Миллер понимал значение самых разных полевых наблюдений. Миллер различает до десятка типов сибирских погребальных сооружений и предписывает Фишеру исследовать множество вопросов. Надо выяснить и число погребений, и глубину их, и ориентацию, и есть ли при погребениях костяки овец и коней. Надо записать, где лежат вещи — в ногах или в головах.

Интерес появляется не только к курганам, но и к городищам, писаницам, развалинам, изваяниям. Блеск сибирского золота не затмил для Миллера значения рядовых находок: «Глиняные сосуды не следует при этом оставлять без внимания», — пишет он ²⁷. Инструкция Миллера — свидетельство огромного прогресса в исследовании рус-

²⁷ В. В. Р а д л о в. Сибирские древности. МАР, № 15, стр. 114.

работы А. К. Нартова, предназначенные для триумфального дарственный Эрмитаж)

ских древностей за короткое двадцатилетие после петровского указа.

Рассмотреть здесь все материалы по археологии, собранные в XVIII в., нет возможности, да пожалуй, и особой нужды. Попытаемся уловить общие черты в работах исследователей XVIII в. Бросается в глаза, что прежде всего проявился интерес к археологическим памятникам окраин России, а не центра. Для первых трех четвертей XVIII века больше всего данных об археологических изысканиях в Сибири. В последней четверти столетия преобладают уже сообщения о древностях Причерноморья. Выход России к морю, присоединение Крыма впервые познакомили русских ученых с памятниками античности. Внимание людей, воспитанных в традициях классицизма, быстро переключается на эти остатки старины, более понятные и близкие, чем сибирские древности.

Проявлялся интерес и к Кавказу. На участников Персидского похода Петра I большое впечатление произвели огромные по протяженности крепостные стены Дербента VI в. н. э. Дмитрий Кантемир (1673—1723)—отец поэта — снял план этих стен и сделал их описание.

На барельефе «склонился древний Дербень вечному в славе Петру» (1727—1730), предназначавшемся для триумфального столпа в память Петра I, А. К. Нартов довольно точно воспроизвел внешний вид дербентских стен²⁸ (см. рис. на стр. 34—35). В те же годы специальную статью о дербентских стенах написал по материалам Кантемира Г. Байер²⁹. Татищев организовал исследование средневековых памятников в Северном Предкавказье, в частности, известных Маджар³⁰.

И наряду со всем этим мы почти не видим интереса к археологии Средней России, к древностям собственно русским. Это весьма примечательно. Успехи русской науки XVIII в. в области археологии не надо переоценивать. Здесь была немалая доля интереса к экзотическим странам, к «куриозитетам» загадочного Востока. В сибирских краях, населенных «дикими инородцами», находят следы какой-то неизвестной высокой культуры — памятники искусства из золота, письма, развалины. Это интересно, это надо понять.

Совсем иное — скромные городища и курганы Средней России; они примелькались всем, кто ездит по стране; известно, что богатых находок в них нет. В общем, это что-то обыденное и вряд ли интересное. Собирая и исследуя русские летописи, историки XVIII в. еще не думали о том, что раскопки этих курганов и городищ помогут разобраться во многих темных вопросах истории древней Руси. Археологический метод изучения прошлого применялся очень ограниченно, в основном там, где письменные источники вообще отсутствовали.

Характерно, что археология в работах XVIII в. тесно сближается с географией. Правда, уже Татищев говорит: «В древних могилах находятся старинные вещи и ко изъяснению истории весьма полезные»³¹, а Миллер пишет Фишеру: «Главнейшая цель при исследовании древностей этого края должна, конечно, заключаться в том, чтобы

²⁸ История русского искусства, т. V. М., 1960, стр. 485.

²⁹ О стене кавказской. «Краткое описание комментарий Академии наук». СПб., 1728, стр. 167—207.

³⁰ Д. М. Г у р в и ч. Татищев и русская археологическая наука. СА, XXVI, 1956, стр. 159—161.

³¹ В. В. Р а д л о в. Сибирские древности. МАР, № 15, стр. 143.

они послужили к разъяснению древней истории обитателей его, чего и можно смело ожидать от различных древностей, встречающихся в Сибири»³². Таким образом, связь древностей с историей понималась учеными. Но все же не случайно древности описываются геодезистами, не случайно курганы и городища исследуются не специально, а во время ученых путешествий, имевших комплексный, но в основном все же географический характер, не случайно Ломоносов считает изучение древностей частью географии³³. В XVIII в. археологические исследования — только часть одной большой науки: «землеописания». Из этой науки уже выделился ряд самостоятельных наук. Уже ставятся специальные физические, химические, астрономические исследования. Но специально археологических исследований еще нет. Нет попыток поставить древности на службу истории во всех районах, а не только в экзотических краях.

Отношение к самим археологическим памятникам также еще несколько робкое. В анкете Татищева и в других источниках XVIII в. усиленно подчеркивается особая ценность вещей с надписями по сравнению с остальными. Ученые XVIII в. еще не думали, что можно изучать древнюю историю по одним вещественным памятникам. Загадки сибирской старины хотели решить только путем распифровки древних надписей. Заставить говорить вещи в XVIII в. еще не умели. С этим связано и восприятие разнородного археологического материала, как одновозрастного. Сложность, многослойность памятников прошлого еще не поняты до конца. Иногда делаются верные наблюдения. Миллер пишет, что в Енисейских курганах находят вещи только из красной меди и заключает: «Народ, похоронивший там своих покойников, может быть, не знал употребления железа. Следовательно, сии могилы гораздо старше прочих»³⁴. Как будто, создается понятие о бронзовом веке. Но в той же статье говорится, что самые разные типы могил в Сибири могли принадлежать одному народу³⁵, а в «Истории Сибири» Миллер относит все

³² В. В. Радлов. Сибирские древности. МАР, № 15, стр. 107.

³³ Д. М. Гурвич. Ломоносов и археология..., стр. 119.

³⁴ Изъяснения о некоторых древностях..., стр. 489.

³⁵ Там же, стр. 484.

сибирские древности ко времени Чингиз-хана³⁶. Такое восприятие археологического материала в одной плоскости проходит через все исследования XVIII в. о древностях Сибири и проявляется в работах первой половины XIX в., — у Г. И. Спасского³⁷ и Э. И. Эйхвальда³⁸.

Это показывает, что попытки А. П. Окладникова³⁹ увидеть в работах русских ученых XVIII столетия систему трех веков: каменного, бронзового и железного, основанные на отдельных метких замечаниях Миллера, Гмелина и Радищева, — все же не состоятельны. Никогда в XVIII в. эта система не была выражена в целом, и не лежала она в основе описаний древностей. Нигде не говорилось, что каменные орудия старше бронзовых. Итак, методы исторической работы на одном вещевом материале из раскопок в XVIII в. почти не известны.

Но были намечены два других метода. Первый метод — сопоставление археологических находок с данными письменных источников. В XVIII в. «собранием переводчиков» было опубликовано на русском языке огромное число произведений античных авторов (сочинения некоторых авторов есть на русском языке только в переводах XVIII в.)⁴⁰. Всем были хорошо известны сообщения греческих и римских источников о древнем населении территории России. Отсюда, во всех работах, касающихся древностей, появляются рассуждения — чьи это памятники: скифов, сарматов, или какого другого народа. Сопоставления еще неумелы. Даже такой опытный исследователь, как Миллер, приписывал Мельгуновский курган уграм⁴¹. Но важно, что самый метод сопоставления письменных и вещественных источников уже найден.

Второй метод — использование этнографических данных при объяснении находок. Тот же Миллер совершен-

³⁶ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937, стр. 170.

³⁷ Г. И. Спасский. Древности Сибири. «Сибирский вестник», ч. 2. СПб., 1818.

³⁸ Э. И. Эйхвальд. О чудских копиях. ЗРАО, т. IX, вып. 2. СПб., 1857.

³⁹ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950, стр. 19—24.

⁴⁰ В. Я. Адарюков. Книга гражданской печати в XVIII веке Сб. «Книга в России», ч. I. М., 1924, стр. 219—225.

⁴¹ Изъяснение о некоторых древностях..., стр. 502.

но правильно объясняет, зачем зарывались вещи в курганы. Параллели из этнографии Индии, Якутии позволяют ему показать, что это связано с представлениями о загробном мире; многие народы считали, что на том свете покойнику пригодятся вещи, служившие ему при жизни ⁴². Знакомство исследователей Сибири с живым каменным веком у камчадалов, как верно заметил А. П. Окладников, помогло русским ученым понять независимо от западной науки и происхождение «громовых стрел». В те самые годы, когда французская Академия осуждала Магюделя за то, что он считал «громовые стрелы» орудиями древних людей (1730), русские ученые были твердо в этом убеждены. В 1731 г. в «Примечаниях к Санкт-Петербургским ведомостям» напечатана специальная статья «О перунах или громовых стрелах», где прямо утверждается, что «они у наших древних предков вместо военного оружия были» ⁴³. О том же говорит и Миллер: «Вне могил встречаются в земле... секиры древних или так называемые громовые стрелы, да каменные наконечники стрел и долота, сделанные из агатов и яшмы» ⁴⁴.

Итак, в XVIII в. русские научились сохранять археологические находки, ученые зарегистрировали очень большое число памятников, провели первые раскопки, собрали первые коллекции древностей. Впервые в русской литературе появились рисунки древних вещей и планы городищ, придавшие работам характер археологических публикаций. Нащупывались методы объяснения археологических памятников путем сопоставления с этнографическими данными и материалами письменных источников. Прогресс, по сравнению с XVII в. колоссален. Но многое еще предстояло сделать. Еще совсем не исследовались славянские памятники. Курганы с богатыми находками еще заслоняли от глаз исследователей поселения с их скромным инвентарем. Наконец, характер самой археологической науки не был осознан до конца. Это предстояло сделать в XIX в.

⁴² Изъяснение о некоторых древностях..., стр. 486.

⁴³ О перунах или громовых стрелах в прибавление к примечаниям о громе. «Исторические, генеалогические и географические примечания к Санкт-Петербургским ведомостям», ч. СXXXIX. СПб., 8. XI. 1731, стр. 363—366.

⁴⁴ В. В. Р а д л о в. Сибирские древности. МАР, № 15, стр. 113.

АРХЕОЛОГИЯ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

*Изучение античности
и славяно-русских древностей*

Путь русской археологии XVIII в. вполне самобытен по отношению к пути, пройденному за это столетие европейской наукой. В Западной Европе археология начинает свое развитие с изучения памятников античной культуры. Не только в Италии, но и во Франции и в Англии интересуются лишь древнегреческими и римскими памятниками. Древности своей страны, первобытные и средневековые, остаются в тени, почти не описываются и не изучаются. Только с самого конца XVIII в. начинается поворот к исследованию памятников национальной культуры — западного средневековья.

В России XVIII в., как мы видели, ведущую роль играло исследование древностей Сибири. Причерноморье, богатое памятниками античной культуры, сперва находилось в руках враждебной Турции, а затем стало районом военных действий. Лишь два последних десятилетия XVIII в. Причерноморье оказалось доступным для исследователей. В связи с этим интерес к античности, свойственный и русскому обществу XVIII в., долгое время не был у нас связан с археологией. Вещественные памятники античной культуры были или недоступны, или слишком далеко. Для Англии вполне реальным был проект лорда Томаса Аранделя «пересадить Грецию в Англию», т. е. перевезти туда множество античных памятников. В России же могли иметь место только случайные покупки антиков, вроде известного эпизода с покупкой Кологривовым для Петра I «статуи мраморной Венуса» в Риме в 1719 г.¹ | |

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV. СПб., изд. «Общественная польза» [б. г.], стр. 244.

С приобретением Причерноморья наступает новая пора в развитии русской археологии. Так же, как и на Западе, древности античные стали в центре внимания. В короткое тридцатилетие, с 1780 по 1810 г., русская наука о древностях идет по тому же руслу, что и западноевропейская. Любопытно, что именно в этот период были изданы переводы западноевропейских руководств по археологии: «Руководство к познанию древностей» французского археолога Обена-Луи Миллена (1759—1818)² и «Ручная книга древней классической словесности, содержащая археологию...» немецкого искусствоведа Иоганна Иоахима Эшенбурга (1743—1820)³. На страницах этих книг, переведенных одним из лицейских учителей Пушкина — Николаем Федоровичем Кошанским (1785—1831), впервые в русской литературе прозвучало слово «археология». Исследователи сибирских древностей, да и ряд ученых начала XIX в. (Ходаковский) археологами себя еще не называли.

В предисловии к «Руководству» Миллена Кошанский писал, что настало время познакомить русскую публику с наукой, сделавшей на Западе большие успехи, но у нас «едва ли не новой». На самом деле к началу XIX в. отечественная наука имела свой и немалый опыт в исследовании древностей, но, действительно, понимание задач археологии, содержавшееся в переведенных Кошанским книгах, было существенно иным, чем у ученых XVIII в.

Древности рассматривались уже не как один из объектов землеописания, а в тесной связи с историей искусств и словесности. Смысл изучения древностей теперь видели в том, чтобы лучше понять фон, на котором возникли искусство и литература античности, в том, чтобы получить эстетическое наслаждение от знакомства со всей бытовой обстановкой древних греков и римлян. «Невозможно отделить историю искусств и наук от прелестной картины их древностей. Польза и приятность сего знания

² Руководство к познанию древностей г. Ал. Миллена..., изданное с прибавлениями и замечаниями Н. Кошанским. М., 1807.

³ Ручная книга древней классической словесности, содержащая археологию, обозрение классических авторов, мифологию, древности греческие и римские, собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб., т. I, 1816; т. II, 1817.

неоспоримы. Древности объясняют множество предметов, необходимых для сведения, множество напоминаний, встречающихся в творениях греков и римлян. Они знакомят, они дружат нас с красотами их произведений и открывают их достоинство и ту истинную точку зрения, с какой должно взирать, ценить и изучать их. Наконец, они придают больше точности, разборчивости и твердости уму и образуют вкус к истинно прекрасному»⁴.

Ниже мы найдем прямую переключку с этими словами в высказываниях русского археолога Стемповского. Конечный источник такого понимания археологии — эстетика Иоганна Иоахима Винкельмана (1717—1768).

! Но период, когда археология в России и на Западе шла близкими путями, был недолог. Подъем национального самосознания в период после Отечественной войны 1812 года резко повысил интерес общества к русской истории. Возник и интерес к русским древностям. В итоге расцвет античной археологии в России падает на те же годы, что и развитие археологии русской, средневековой.

! Это наложило существенный отпечаток на судьбы археологии в России вообще, не исключая и первобытную археологию, зародившуюся гораздо позднее. Параллельное развитие археологии античной и средневековой привело к тому, что эти разделы науки не стали у нас столь обособленными друг от друга, как на Западе, где они складывались в разное время. Западноевропейская наука почти не знает ученых, одновременно занимавшихся античной и средневековой археологией. У нас такие археологи были — А. Н. Оленин, И. Е. Забелин, А. С. Уваров.

Пытаясь охарактеризовать русскую археологию первой половины XIX в. в целом, мы прежде всего должны остановиться именно на соотношении разных разделов нашей науки.

Итак, с конца XVIII в. не сибирские курганы, а памятники Причерноморья становятся главным объектом раскопок и описаний. Ведутся раскопки курганов под Керчью и на Тамани. Первоначально раскопки имеют почти грабительский характер. Ведут их не ученые, как это было в Сибири, а случайные люди: генерал Вандервейде (ко-

⁴ Ручная книга..., т. I, стр. 20, 21.

нец XVIII в.), генерал Гангеблов (1811 г.), полковник Парокия (1817 г.), начальник гребной флотилии Патиниоти (1821 г.) и т. д.⁵ Внимание их привлекают прежде всего слухи о золотых вещах, найденных кладоискателями в древних склепах богатых горожан Пантикапея и Фанагории. Но как бы пренебрежительно не относились к рядовым находкам первые раскопщики некрополей Боспора, эпоха оказала здесь благотворное влияние.

Это было время всеобщего увлечения античностью. В искусстве господствовал классицизм. После раскопок в Помпее в круг внимания антиквариев попали не только памятники искусства, но и бытовые древности античной эпохи, подражания которым прочно вошли в быт господствующих классов. «Все делалось а л'антик, — писал о периоде 1804—1805 гг. Ф. Ф. Вигель, — (открытие Помпей и Геркуланума чрезвычайно тому способствовало)... Везде показались алебастровые вазы с иссеченными мифологическими изображениями, курительницы и столики в виде треножников, курульские кресла, длинные кушетки, где руки опирались на орлов, грифонов, или сфинксов»⁶.

Поэтому не только золото привлекает раскопщиков. Интересны и вазы с росписями, и светильники, и медные монеты, и другие предметы древнего быта. Появляются коллекции этих древностей, а вскоре и первые музеи. В 1806 г. возник музей в Николаеве, в 1811 г. — в Феодосии, в 1825 г. — в Одессе, в 1826 г. — в Керчи. Это первые специально археологические музеи в России. Сперва они пополняются древностями, вырванными из археологических комплексов, лишенными какой-либо документации, ставшими предметом торговли. В первом каталоге Феодосийского музея после описания коллекций сообщается, что они получены в дар или приобретены покупкою, так что «место отыскания сих вещей остается в неизвестности»⁷. Сейчас эти коллекции потеряли научную ценность, но именно они положили начало правиль-

⁵ К. К. Герц. Историческое обозрение археологических исследований на Таманском полуострове. Собр. соч., вып. 2. СПб., 1898; Ю. Ю. Мартин. 100-летие Керченского музея. Керчь, 1926.

⁶ Ф. Ф. Вигель. Записки, т. I. М., 1928, стр. 179.

⁷ К истории археологических исследований в Южной России (из переписки А. Н. Оленина). ЗООИД, т. XV, 1889, стр. 115.

ному сбору древностей. А вскоре уже П. А. Дюбрюке, начавший работы на Керченском полуострове в 1811 г. и особенно И. А. Стемповский (с 1820 г.) переходят от сбора случайных вещей к правильным раскопкам с записями и графической документацией.

В 1823 г. Иван Алексеевич Стемповский (1789—1832) подал Новороссийскому генерал-губернатору М. С. Воронцову записку «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае». Для русской археологии начала XIX в. — это программный документ, четко формулирующий новые научные требования, предъявляемые к археологическим поискам. Прежде всего надо знать, где сделаны находки. Со старым собирательством беспаспортных вещей нужно покончить. Необходимо создать научное общество, которое возьмет на себя заботу об охране памятников в Причерноморье, будет вести раскопки, регистрировать случайные находки и публиковать археологические материалы. Стемповский предлагает далее немедленно начать съемку планов всех остатков античных зданий, всех развалин городов, пока эти памятники не подверглись разрушению⁸.

Эта программа работ, составленная настоящим ученым (известно, что Стемповский прошел археологическую школу в Парижской Академии надписей)⁹, была в значительной мере выполнена. В 1820-х годах Стемповский составил детальные планы городищ Керменчика, Мирмикия и др. Эти планы стали бесценным материалом для многих поколений исследователей Боспора, получивших возможность судить о том, что представляли собой городища до интенсивной русской колонизации Крыма. В 1839 г. возникло Одесское общество истории и древностей, ставшее тем научным и организационным центром археологии в Причерноморье, о котором мечтал Стемповский¹⁰, и дело изучения античных древностей было поставлено в России на прочную базу.

⁸ И. А. С т е м п о в с к и й. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае. «Отечественные записки», № 81. СПб., 1827, стр. 43 и сл.

⁹ См. о нем А. А ш и к. И. А. Стемповский. ЗООИД, т. V, 1863, стр. 907—914.

¹⁰ О деятельности общества см. В. Н. Ю р г е в и ч. Исторический очерк 50-летия Одесского общества истории и древностей. Одесса. 1889.

Иван Алексеевич Стемповский. Портрет работы Бутарди

Как же представлял себе Стемповский задачи археологических исследований?

Об этом говорит следующий отрывок из его записки: «Ничто не может быть утешительнее для ума просвещенных людей и достойнее их благородных усилий, как стараться спасти от совершенного забвения существующие еще в отечестве нашем остатки образованности народов столь отдаленной древности, ничто не может доставить им более удовольствия, как находить по истечении 20 столетий памятники, которые могут дать самые достоверные свидетельства относительно религии и правления, наук и художеств, деяний и нравов поколений, столь давно угасших. Таковыми исследованиями мы мо-

жем некоторым образом извлекать удовольствие и пользу из самого праха»¹¹.

Как мы видим из этого отрывка, Стемпковский рассматривает задачи археологии в основном в плане эстетическом.

Правда, в конце записки говорится о роли раскопок для воссоздания истории Боспора, ибо находки монет и камней с надписями позволили установить имена царей и факты истории Боспорского царства, неизвестные по письменным источникам. Но эта задача для Стемпковского явно не главная.

Если мы обратимся к другим авторам, писавшим в начале XIX в. о древностях Крыма, нам будет еще яснее, что в памятниках античности интересовало людей александровской эпохи. Особенно показательны две книги: «Досуги Крымского судьи» Павла Ивановича Сумарокова (умер в 1846 г.)¹² и «Путешествие по Тавриде» Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола (1765—1851)¹³. Авторы этих книг, внесшие свой вклад в изучение античности, были скорее литераторами, чем учеными. Но в начале XIX в. мы знаем еще немало людей, объединявших в одном лице ученого и литератора. Ведь и сам Стемпковский напечатал в «Одесском альманахе» рассказ «Радаис и Индар», где в идиллических тонах изображена дружба двух свободолюбивых скифских юношей¹⁴. В книгах Сумарокова и Муравьева-Апостола мы видим отражение той же идеализации античности.

Авторы этих двух книг кое в чем различны. У Сумарокова еще чувствуется практическая сметка людей XVIII в. Он перемежает описание древностей с замечаниями о сельскохозяйственных культурах Крыма, ведет фенологические записи и т. д. Муравьев-Апостол совершенно

¹¹ Цитирую русский вариант записки (Мысли относительно изыскания древностей..., стр. 42). Первоначально она появилась на французском языке (*Note sur les recherches d'antiquités, qu'il y aurait à faire dans la Russie meridionale*).

¹² Досуги Крымского судьи или второе путешествие по Тавриде Павла Сумарокова, ч. I—II. СПб., 1803—1805.

¹³ И. М. Муравьев-Апостол. Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823.

¹⁴ И. А. Стемпковский. Радаис и Индар — скифский рассказ (отрывок из древней греческой рукописи). «Одесский альманах на 1831 год». Одесса, 1831, стр. 194—219.

оторван от реальной жизни, он живет только в мире древностей. В остальном оба путешественника по Тавриде сходны. Для обоих пребывание в Крыму — это отрадное отдаление; от бьющей ключом жизни современного Петербурга. Крым — это иной мир — «достойное обиталище богов». Здесь, «удаляясь от бурь, сует мирских, под сенью тишины»¹⁵ можно в уединении предаться созерцанию следов античной культуры, такой далекой, но и такой близкой сердцу путешественников. Оба они — люди просвещенные, прекрасно знакомые с греческими и римскими источниками. Оба не расстаются с томиком «древних». Созерцание и описание памятников античности не просто удовлетворяет любопытство путешественников. Это — средство прикоснуться к «золотому веку», уйти от далекой им по духу повседневной действительности. Стиль обеих книг во многом перекликается со стилем «Писем русского путешественника» Карамзина¹⁶.

Просматривая книги Сумарокова и Муравьева-Апостола, нельзя не почувствовать большого отличия от трудов следующего периода развития русской археологии. Тогда даже очень специальные исследования в той или иной степени были связаны с политической жизнью страны, с задачами текущего дня. По словам Пушкина, чтение «Путешествия по Тавриде» «более всего поразило» его тем, что его восприятие Крыма в том же 1820 г. было совсем не таким, как у Муравьева-Апостола¹⁷. Пушкин был человеком другого поколения, поколения декабристов, детей Муравьева-Апостола, которым одно идиллическое любованье памятниками древности было чуждо.

Во многом отличны книги Сумарокова и Муравьева-Апостола и от книг ученых XVIII в. Руководители академических экспедиций бесстрастно регистрировали курганы и городища, попадавшиеся по пути, как регистрировались соленые озера, скалы причудливых форм и другие природные объекты. Сумароков и Муравьев-Апостол далеки от такого бесстрастия. Археологический памятник для

¹⁵ Досуги Крымского судьи ..., стр. 243, 244

¹⁶ Анализ стиля книг П. И. Сумарокова см. Н. К. Г у д з и й. К истории русского сентиментализма. «Известия Таврической ученой комиссии», вып. 56. Симферополь, 1919, стр. 131—143.

¹⁷ А. С. П у ш к и н. Полн. собр. соч., т. VIII, 1937, изд. АН СССР, стр. 250.

них прежде всего нечто волнующее, вызывающее десятки мыслей и переживаний. В этом можно видеть отражение более широкого явления — смены рационализма XVIII в. сентиментализмом начала XIX столетия.

При всех особенностях стиля книги Сумарокова и Муравьева-Апостола сыграли свою роль в развитии античной археологии. В этих книгах древности Причерноморья были зафиксированы в самом начале знакомства с ними русских исследователей, до позднейших разрушений. План Ольвии, снятый для Муравьева-Апостола, до сих пор представляет интерес для изучения топографии города¹⁸. Важны данные о некоторых погибших впоследствии эпитафических памятниках, отмеченных Сумароковым, побывавшим, кроме Крыма, и на Тамани.

Таков был первый этап античной археологии в России, протекавший еще до развития археологии средневековой. С 1810-х годов начинается новый этап. Он связан с ростом национального самосознания русского общества после войны 1812 года, с периодом увлечения «Историей Государства Российского» Карамзина. Рост интереса к национальным древностям характерен для многих европейских стран нового времени. Во Франции на грани XVIII и XIX вв. А. Ленуар основывает «Musée des monuments françaises», с 1834 г. издается журнал по средневековой археологии «Bulletin monumentale», в 1837 г. возникают комитеты охраны памятников.

Одним из требований искусства и литературы романтизма в борьбе с классицизмом был отказ от преклонения перед античными образцами и обращение к изучению прошлого своей страны. Любопытно, что в этот период изучение средневековья часто противопоставлялось изучению античности. Уже на салоне 1808 г. крупнейший представитель классицизма во Франции Л. Давид говорил: «Через 10 лет изучение античности будет заброшено... все эти боги, герои будут заменены рыцарями, трубадурами, распеваящими под окнами своих дам у подножья старинного донжона»¹⁹. Несколько позже декабрист

¹⁸ А. Н. К а р а с е в. Планы Ольвии XIX в. как источник для исторической топографии города. МИА, № 50, 1956, стр. 14—16.

¹⁹ Сб. «Мастера искусства об искусстве», т. II. М., 1936, стр. 219, 220.

В. Ф. Раевский упрекал Пушкина в том, что он в своей поэзии часто обращается к античным мотивам, и утверждал что русский поэт должен искать вдохновения в русской мифологии и древней русской истории ²⁰.

Наряду с этим отмечается другая тенденция — подгонка древней отечественной истории под классический образец. В области искусства мы можем проследить эту тенденцию на таких произведениях как памятник Минину и Пожарскому Мартоса (1818), как конкурсная картина Кипренского в Академии художеств «Дмитрий Донской на Куликовом поле» (1805), Герои русского прошлого рядятся здесь в одежды античных героев. Выразителем этой тенденции в русском искусстве и русской археологии был Алексей Николаевич Оленин (1763—1843) — президент Академии художеств и автор многих археологических работ ²¹. Установки так называемого оленинского кружка литераторов и художников Л. Н. Майков определял впоследствии следующими словами: «героическое, возвышающее душу, присуще не одному классическому — греческому и римскому миру, оно должно быть извлечено и из преданий русской древности и возведено искусством в классический идеал» ²². Именно с этой установкой связаны два направления в работах А. Н. Оленина, который писал об оружии гладиаторов, изображениях на античных вазах, о находках в Керчи и одновременно о тмутараканском камне, племе Ярослава Всеволодовича и рязанском кладе русских ювелирных вещей ²³. Задачи археологии Оленин понимал довольно узко; в одной из своих инструкций он писал об археологии «как такой науке, которая должна давать, особливо художникам, ясное понятие о нравах, обычаях и одеяниях

²⁰ П. Е. Щеголёв. Декабристы. М.—Л., 1926, стр. 36.

²¹ См. о нем Н. И. Стояновский. Очерк жизни А. Н. Оленина. СПб., 1881.

²² Л. Н. Майков. Батюшков, его жизнь и сочинения. СПб., 1896, стр. 39.

²³ Основные труды А. Н. Оленина: Археологические труды А. Н. Оленина, т. I—II. СПб., 1881—1882; Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском. СПб., 1806; Рязанские русские древности. СПб., 1831; Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения словен от времен Траяна до нашествия татар. СПб., 1832.

славных в древности народов»²⁴. Таким образом, задача археологии сводится только к реконструкции древнего быта, но важно, что в понятие «славных народов», подлежащих изучению археологов, Оленин включал не только греков и римлян, но и древних славян и русских эпохи средневековья. Показательна в этом отношении программа, предложенная Олениным Ф. Г. Солнцеву для написания картины на звание академика. На одном полотне предлагалось изобразить древнегреческие и русские памятники искусства из раскопок в России²⁵.

Если подгонка русского средневековья под античный образец характерна в основном для александровской эпохи, то другая тенденция — противопоставление национальных древностей античности — особенно ярко проявилась в николаевское время. Отражение ее в русской археологии может быть прослежено по истории Русского археологического общества. Оно возникло в 1846 г. и первоначально занималось главным образом античной археологией и нумизматикой, отчасти нумизматикой восточной. Но вскоре в Обществе происходит настоящий переворот. Группа лиц во главе с Иваном Петровичем Сахаровым (1807—1863) добивается ухода старого руководства Общества, создает отделение русской и славянской археологии и делает его ведущим отделением Общества. Задачей его отныне является исследование «родной русской старины», и соратник Сахарова А. И. Войцехович с возмущением требует изменения облика «Известий» Общества, которые заполняют «не описание русских древностей, а известия о чужеземных памятниках»²⁶.

Нельзя не заметить, что перемены в Обществе, исходившие от такого типичного представителя «квасного патриотизма», как Сахаров, были односторонними²⁷. Сахаров — яркий выразитель официальной идеи николаев-

²⁴ Сборник материалов для истории Санкт-Петербургской Академии художеств, т. II. СПб., 1865, стр. 460.

²⁵ Н. А. Белозерская. Федор Григорьевич Солнцев. РС, 1887, № 6, стр. 727.

²⁶ Н. И. Веселовский. История императорского археологического общества за первые 50 лет его существования. СПб., 1900, стр. 269.

²⁷ См. о нем А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. I. СПб., 1890, стр. 276—313.

*Алексей Николаевич Оленин. Портрет работы
А. Г. Варнека*

ской эпохи — «православия, самодержавия и народности», человек, всюду видевший «тлетворное заморское влияние» и готовый даже на фальсификации, чтобы изобразить преданность русского народа царю, религии и патриархальной старине. Известно, что Сахаров выдавал за народные былины собственные сочинения, выдержанные в духе, который он считал наиболее близким к истинно русским понятиям. Что же касается Войцеховича, то научных заслуг за ним не числилось никаких, но зато он был человеком чиновным и связанным с влиятельными сферами. Он был директором Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода. Все это не могло не наложить отпечаток на такое положительное в основе явление, как зарождение интереса к отечественной истории.

В николаевскую эпоху, как известно, делались попытки противопоставить европейской культуре, классицизм

му, амширу «русский национальный стиль», византийский в своей основе. В этом направлении развивали свою деятельность архитекторы и художники, особенно Тон и Гагарин. По инициативе Николая I древности России были поставлены на службу самодержавию. В них видели доказательство того, что самодержавный строй на Руси держится столетиями, и, следовательно, прочен и единственно пригоден для русского народа. Исследование русских древностей поощряется теперь в чисто политических целях. На Украине, где в николаевские времена проводилась усиленная руссификация края, археологические работы ставятся под контроль самого киевского губернатора Бибикова, считавшего, что главная задача, которой должны служить раскопки, — не изучение прошлого Украины, а борьба с польской культурой. Говоря об археологических раскопках Комиссии по разбору древних актов, созданной Николаем при Киевском губернаторе, А. В. Романович-Славатинский писал: «Энергический руссификатор края, Бибиков с особенным усердием взялся за это дело, ибо понимал политическую важность разработки истории Юго-западного края. Историческая наука должна была служить подспорьем его национальной и патриотической администрации»²⁸.

Таковы политические причины расширения археологических исследований в России в николаевскую эпоху. В царствование Николая I появились первые указы, направленные на охрану памятников русской истории²⁹. Ф. Г. Солнцев, при консультации Оленина, сделал огромное число зарисовок с вещественных памятников русского средневековья, объединенных затем в издании «Древности Российского Государства». Все это сыграло свою положительную роль в истории нашей науки, но, увы, и тут не обошлось без фальсификаций. В 1839 г., наблюдая действия николаевских чиновников, маркиз де Кюстин не мог не заметить, что «к исторической истине в России питают не больше уважения, чем к святости клятвы. Подлинность камня здесь также невозможно установить, как достоверность устного и письменного слова... Император, зная, что все древнее вызывает к себе особое благого-

²⁸ А. В. Романович-Славатинский. Жизнь и деятельность Н. Д. Иваншова. СПб., 1876, стр. 209.

²⁹ ПСЗ (2 собр.), т. II, № 1613; т. XXIII, № 21992.

вение, желает, чтобы выстроенная вчера церковь почиталась как старинная... — Она древняя, — говорит он, и церковь становится древней»³⁰.

В этом замечании почти нет преувеличений. Достаточно ознакомиться с методами «реставрации» Теремного дворца в Кремле, проведенной в николаевские годы, чтобы увидеть прямую установку правительства на фальсификацию отечественных древностей³¹. В целом, попытка противопоставить античности и развивавшей традиции античности западной культуре русское средневековье и свойственный ему стиль носила реакционный характер.

Здесь уместно вспомнить слова Маркса о том, что «первая реакция против французской революции и связанного с нею просветительства была естественна: все получало средневековую окраску...»³². Николаевская реакционная линия в изучении древностей могла надолго исказить судьбы русской археологии, но русское общество имело достаточное число образованных и горячо любивших родину людей, которые не пошли по пути «официальной народности», а преданно служа делу изучения русских древностей, исследовали их объективно, не преувеличивая значения памятников, не фальсифицируя их. Это помогло, особенно со второй половины XIX в., преодолеть тенденциозность предшествующего времени и вести работу по славяно-русской археологии на строго научной почве.

С другой стороны, чисто случайное обстоятельство помешало «квасным патриотам» свернуть изучение античных памятников в России. В 1830 г. были сделаны находки в Куль-обе, показавшие, что в Причерноморье в погребениях могут быть найдены произведения античного искусства и просто много золотых вещей. Это привлекло к Причерноморью внимание правительства, и исследование античных памятников не только не сократилось, но даже приняло особенно широкий размах. Начало крупных исследований античных древностей в России падает именно на годы николаевской реакции.

³⁰ К ю с т и н. Николаевская Россия. М., 1930, стр. 266.

³¹ М. Г. Х у д я к о в. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933, стр. 61, 62.

³² К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения т. XXIV, стр. 34.

Но и направление античной археологии было искажено. В 1820-е годы археологические работы в Причерноморье связаны с таким серьезным исследователем, как И. А. Стемповский. Это был настоящий археолог-профессионал. Среди его заслуг может быть названо то, что он начал исследование городов Боспора, понимая, что городские слои не менее важны для науки, чем золото из могильников. После открытия Куль-обы для раскопок в Крыму настала другая пора — началась погоня за эффектным находками. Типичнейшая фигура этого периода — Антон Балтазарович Ашик (1802—1854). Чиновник, без всякой научной подготовки, сочинения которого пестрят ляпсусами, Ашик зато великолепно знал, чем можно угодить начальству. Книжка Ашика «Часы досуга» — характернейший памятник эпохи. Предисловие содержит традиционное для уваровско-шевыревских речей противопоставление «гниющего», разлагающегося под влиянием революционных идей Запада — прочной православной и самодержавной России. Далее цитируется Стурдза, тот самый «библический» и «монархический» Стурдза, о котором писал Пушкин. Из цитаты Стурдзы явствует, зачем надо заниматься археологией. Оказывается, затем, что «никакое умственное занятие не благоприятствует столько религии и нравственности, сколько изыскание, исследование и хранение памятников истории родной отечественной земли»³³. Наконец, следует трогательный рассказ, как Ашик готовился к приезду Николая I в Керчь. Надо было найти при раскопках что-нибудь очень эффектное. Спешно раскапываются десятки курганов. И, о, счастье, найдено «серебряное блюдо царицы Рискупорис», на котором подносится хлеб-соль ошастливившему раскопки своим посещением государю-императору³⁴.

Так в николаевскую эпоху, на место оторванного от жизни любования древностями в духе Муравьева-Апостола, пришла археология, служащая политическим целям. Итоги этого периода были самыми печальными. Вместо четкой, как у Стемповского, фиксации находок, все перемешивается, депаспортизуется и просто разбазаривается. Вот впечатления Н. Н. Мурзакевича — очевидца раско-

³³ А. Б. Ашик. Часы досуга с присовокуплением писем о керченских древностях. Одесса, 1850, стр. 117—119.

³⁴ Там же, стр. 131, стр. V.

пок Ашика: «Ашик и Кореяша..., желая получить подарок или крест за находку..., старались раскопать побольше курганов... Лично они не присутствовали почти никогда. Описания или рисунков на месте не делали... Вещи двойные, тройные, четверные, по произволу помянутых господ, раздавались кому им нравилось или сбывались за границу... Множество монет и золотых вещей Ашиком передавались за границу, а частью мастерами золотых дел растоплялись в плавильном мешке. Множество глиняных предметов разбивалось на месте находок... Курганные гробницы... не только не сохранялись и не поддерживались, но вследствие неизъяснимого равнодушия официальных кладоискателей разбирались на городские постройки... У Ашика я заметил большие запасы ваз, сосудов, вещей, монет, которые лежат все в куче, служили магазином, из которого ежегодно отправляли в Эрмитаж вещи, сказывая в рапорте, что такие-то и такие-то вещи были в сем году отысканы там-то и там-то. Вазы, виденные мною в 1836 г., Ашиком предъявлялись в 1838 г.»³⁵

Таковы замечания современника Ашика. Сколько же промахов в работах этого чиновника могут указать позднейшие исследователи Керченского полуострова!

Все это достаточно ясно характеризует результаты работ Николая I об археологии в России, о которых считали своим долгом писать не только Н. И. Веселовский в 1900 г.³⁶, но даже и С. А. Жебелев в 1923 г.³⁷ Отход от тенденциозности николаевской славяно-русской археологии, от кладоискательства исследователей Причерноморья падает только на период демократического движения 60-х годов.

Уже в 1856 г. один из ведущих деятелей Русского археологического общества П. С. Савельев, посетив раскопки скифских курганов в Екатеринославской губернии, писал: «Сколько еще работы для наших археологов, сколько может открыться новых материалов для науки. Я бы охотно посвятил лет пять на эти расследования, если бы умели ценить их и не стесняли предписаниями:

³⁵ Записки Н. Н. Мурзакевича. РС, 1888, № 9, стр. 586, 587.

³⁶ Н. И. Веселовский. Указ. соч., стр. 14.

³⁷ С. А. Жебелев. Введение в археологию, ч. I. Пг., 1923, стр. 103.

«иметь в виду, что раскопки производятся лишь для доставления золотых вещей Эрмитажу»³⁸. Немного позднее другой видный археолог, Г. Д. Филимонов, подверг критике лишённые прочной научной базы потуги николаевского времени возродить «русский национальный стиль» в архитектуре. Филимонов призывал перейти к углубленному объективному археологическому изучению памятников русской старины. Только такое тщательное исследование, а не безапелляционное провозглашение национальными особенностями совершенно случайных черт древнего искусства, может дать нам представление о своеобразном стиле древней Руси³⁹.

Еще более широкая переоценка установок николаевской эпохи в области археологии была дана учеными новой формации — разночинной интеллигенцией 60-х годов.

³⁸ В. В. Григорьев. Жизнь и труды П. С. Савельева. СПб., 1861, стр. 106.

³⁹ Г. Филимонов. Археологические исследования по памятникам, вып. I. М., 1859, стр. 1, 2.

ЗОРИАН ХОДАКОВСКИЙ И ВАДИМ ПАССЕК

*Начало изучения русских древностей.
Формулировка задач археологии.
План археологических работ в России*

Хотя сложение славяно-русской археологии проходило под сильным влиянием реакционных установок николаевской эпохи, было бы неверным ставить в связь самое возникновение интереса к русским древностям с тем пониманием «народности», которое вводилось в жизнь России в 1830—1840-х годах. Интерес к археологии русского средневековья появился раньше и связан с патриотическим подъемом, охватившим Россию после Отечественной войны. Немало произведений литературы и декабристской публицистики вызвано этим подъемом, и в них мы ясно видим, что огромный интерес к русской истории в 1810—1820-е годы отнюдь не носил реакционного характера (вспомним, хотя бы, «Думы» Рылева).

В области археологии мы также можем указать на пионеров изучения русских древностей, которые вовсе не пользовались поддержкой правительства, как позднее Сахаров или Войцехович, а работали с большим бескорыстием, воодушевленные чувством патриотизма, а не казенными идеями «народности». Такой фигурой является в первую очередь З. Ходаковский (Адам Чарноцкий, 1784—1825). Его работы интересны для нас и потому, что в них едва ли не впервые в русской литературе археологические памятники рассматриваются как полноправные исторические источники.

Мы уже говорили о том, что XVIII век оставил нам много археологических наблюдений. Однако все эти на-

блюдения носили регистрационный характер. Отмечались курганы, городища, отдельные находки, но в чем научная ценность этих памятников — оставалось неясным даже для ученых. В археологических памятниках обычно видели лишь «раритет», явление, заслуживающее упоминания, но стоящее вне связи с какими-либо науками.

В изданиях начала XIX в. археологические сведения тоже попадают нередко. Очень важно при этом, что наряду с находками в Сибири и в Причерноморье, отмечаются и находки в центре Европейской России. То это каменные орудия, найденные на Донетчине¹, то клад римских монет в Ахтырском уезде². Помимо простой регистрации находок, мы встречаемся иногда и с ценными наблюдениями, сохранившими свою силу до сего дня. Так, еще в 1827 г. Василием Назаровичем Каразиным (1773—1842) было установлено, что римские монеты, встречающиеся на Украине, относятся по преимуществу к I, II и III вв. н. э.³, что принято и современной наукой⁴. Так, уже при первой публикации Галичского клада в 1837 г. было отмечено сходство галичских идолов с шаманскими изображениями из Сибири⁵, и сейчас занимающее исследователей⁶.

Однако все эти наблюдения оставались разрозненными, не связанными с историческими разысканиями; не было ясно, в системе каких наук может занять место исследование всех этих регистрируемых учеными археологических находок. Заслуга Ходаковского прежде всего и состоит в том, что он дал четкую формулировку роли древностей как исторического источника.

¹ Гесс де Кальве. Опыт исторического исследования об образовании человеческих способностей, в особенности по части минералогии. «Труды Вольного Общества любителей российской словесности», ч. X. СПб., 1820, стр. 251, 252.

² О древних римских монетах, найденных в Ахтырском уезде. «Вестник Европы», ч. XVIII, № 22, 1804, стр. 127—129.

³ В. Н. Каразин. О древностях Слободско-Украинской губернии. «Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина». Харьков, 1910, стр. 586.

⁴ Ср. В. В. Кротокин. Клады римских монет в Восточной Европе. «Вестник древней истории», 1951, № 4, стр. 246.

⁵ П. Свиньин. Краткая записка о древностях, найденных близ Галича. РИС, т. I, кн. 1. М., 1837, стр. 104.

⁶ Ср. А. П. Окладников. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири. СА, X, 1948, стр. 224.

Человек с загадочной биографией, увлеченный сбором сведений о никому до этого неинтересных городищах, Ходаковский казался многим сторонним наблюдателям смешным чудачком, полусумасшедшим маньяком. Так рисует его в своих мемуарах Ксенофонт Полевой⁷. Другие современники, в том числе такие как П. Шафарик, М. П. Погодин, И. Лелевель, относились к Ходаковскому с большим уважением, считали возможным говорить о целой «исторической системе Ходаковского»⁸, противопоставляли его имя имени Карамзина. Это объясняется тем, что в немногих сочинениях Ходаковского мы можем проследить определенную стройную систему взглядов, совершенно новую для того времени. Вкратце ее можно изложить так: древнейшее прошлое славян почти совсем неизвестно; основным источником сведений о нем служат летописи эпохи христианства, когда дохристианское прошлое умышленно изображалось более грубым и примитивным, чем это было в действительности. Необходимо изучить богатую раннюю историю славянства, опираясь не только на летописи и свидетельства иноземцев, также искаженно изображавших славян. Круг исторических источников должен быть расширен за счет изучения вещественных памятников, фольклора, топонимики и других материалов.

Чтобы оценить эти мысли, вспомним, что интересы старшего современника Ходаковского крупнейшего историка того времени Н. М. Карамзина ограничивались одними письменными источниками. Известен такой анекдотический случай. В начале XIX в. Гете заинтересовался русской иконописью. И вот, когда он связался по этому вопросу с историографом Карамзиным, то оказалось, что Карамзин знает о русских иконах чуть ли не меньше Гете⁹. Ограничивая свой круг источников летописью, Карамзин сознательно уделял мало внимания долетописной эпохе, он сознательно не шел глубже «домонархического», до-

⁷ Сб. «Николай Полевой. Материалы по истории литературы и журналистики тридцатых годов». Л., 1934, стр. 137—140, 236—240.

⁸ Так назвал М. П. Погодин одну из статей Ходаковского, опубликованную посмертно. См.: РИС, т. I, кн. 3, 1838.

⁹ С. Н. Д у р ы л и н. Русские писатели у Гете в Веймаре. ЛН, т. 4—6. М., 1932, стр. 116.

риорикова периода. Прогрессивная декабристская критика видела основной недостаток «Истории» Карамзина именно в невнимании к дорюриковому «республиканскому» периоду в истории древних славян. С этой позиции его критиковали Н. М. Муравьев и М. Ф. Орлов¹⁰.

Взгляды Ходаковского близки к этим взглядам декабристов. То, что современники противопоставляли его Карамзину, связано именно со стремлением Ходаковского изучить древнейший период истории славянства, сознательно игнорируемый Карамзиным. Такое совпадение во взглядах с критиками Карамзина — декабристами, может быть, объясняется не одним «веянием времени». Есть сведения о близости Ходаковского к декабристу Ф. Н. Глинке, интересовавшемуся историей, а впоследствии и археологией¹¹. Но Ходаковский как ученый пошел дальше декабристов. Пушкин, знакомый с их критикой Карамзина, писал, что Орлов «пенял Карамзину, зачем в начале своего творения не поместил он какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян, т. е. требовал от историка не истории, а чего-то другого»¹². Тем самым Пушкин

¹⁰ Записка Никиты Муравьева «Мысли об «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина». ЛН, т. 59, М., 1954; М. В. Нечкина. Декабрист Михаил Орлов — критик «Истории» Карамзина. Там же.

¹¹ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 5. СПб., 1892, стр. 64.

¹² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 11. М., 1949, изд. АН СССР, стр. 57.

Как известно, Пушкин интересовался Ходаковским. Он упоминает его в «Родословной моего героя»:

Новый Ходаковский
Люблю от бабушки московской
Я толки слушать о родне,
О толстобрюхой старине,

поясняя, что Ходаковский — «известный любитель древности». В опубликованном М. А. Цявловским письме А. А. Шишкова к С. Т. Аксакову («Летописи Государственного Литературного музея», кн. I. М., 1936, стр. 482) сообщается, что Пушкин хлопотал о сохранности архива Ходаковского.

Тема «Пушкин и археология» ждет еще исследователя. Известны замечания Пушкина в письме к брату о керченских древностях и о Дюбрюксе. С Пушкиным были знакомы И. А. Стемповский (см. М. А. Цявловский. Пушкин по документам архива М. П. Погодина. ЛН, т. 16—18. М., 1934), А. Д. Чертков, И. А. Гульянов, А. Н. Оленин (см. Ф. Я. Прийма. Пушкин и кру-

указывал на то, что критики Карамзина не объяснили, на каких источниках должно основываться исследование древнейшего славянства. Ходаковский же именно показал, где следует искать источники по древнейшей истории славян.

Первый набросок мыслей Ходаковского опубликован в его статье 1818 г. «О славянских землях до принятия христианства»¹³, изданной на польском языке в Кременце, лицей которого был научным центром Западной Украины. Судя по отрывочным данным биографии Ходаковского, этот город сыграл большую роль в его научной подготовке. В дальнейшем Ходаковский развивает свои взгляды на русском языке — в 1819 г. в «Разысканиях касательно русской истории»¹⁴ и, наконец, в 1820 г. в «Проекте ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории»¹⁵.

Ходаковский уже в 1818 г. предлагает начать изучение городищ, разбросанных по всей древнеславянской территории, а в 1820 г. дает обширный их список, показывающий, что заинтересовавшись этими памятниками, он собрал о них большой материал. Занимался Ходаковский и топонимикой Восточной Европы; составленный им объемистый словарь географических названий не был издан, и только частично нашел отражение в публикациях Ходаковского. Ходаковский записал более 1000 украинских песен, использованных затем Гоголем, и собирал материал по геральдике¹⁶. В статьях Ходаковского говорится о

жок Оленина. Сб. «Пушкин, исследования и материалы», т. II. М.—Л., 1958), И. Г. Бларамберг и др.

¹³ Z. D. Chodakowski. O Słowanszczyźnie przed chrześcijaństwem. «Świcenia naukowe», № 5, dz. 11. Krzemieniec, 1818, str. 3—27.

¹⁴ З. Хо да ко вс к и й. Разыскания касательно русской истории. «Вестник Европы», ч. CVII, № 20, 1819.

¹⁵ З. Хо да ко вс к и й. Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории. «Сын отечества», № XXXIII—XXXVI, XXXVIII—XL, 1820.

¹⁶ Сведения А. Н. Пыпина (История русской этнографии, т. III, 1891, стр. 83, 84) о рукописях Ходаковского. См. также С. А. К р а с и л ь н и к о в. Источники собрания украинских песен Н. В. Гоголя. Сб. «Гоголь, материалы и исследования», т. 2. М.—Л., 1936, стр. 384—391; Ф. Я. П р и й м а. Зориан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над «Словом о полку Игореве». Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 71—92.

необходимости изучения самых разных памятников прошлого. «Сбережем, — пишет он в 1818 г., — случайные, но довольно нередкие открытия, какие делаются в земле — эти разные небольшие статуэтки, изображения, металлические орудия, посуду, горшки с пеплом. Сосчитаем и точно измерим все большие могилы... Охраним от уничтожения надписи, начертанные на подземных скалах... Снимем планы с положения местностей, пользующихся давней известностью. Узнаем все названия, какие деревенский люд или его лекарки в разных краях дают растениям, соберем, сколько возможно, песни и старые гербы. Опишем главнейшие обряды»¹⁷. В 1820 г. Ходаковский пишет, кроме того, об изучении диалектов русского языка, об исследовании обрядов, свадеб, игр, песен, суеверий, сборе монет. Не приходится, таким образом, говорить о том, что Ходаковский не интересовался ничем, кроме случайно привлечших его внимание городищ. Круг интересов Ходаковского был широк, и он рассчитывал «объяснить древнюю славянскую историю» не только путем изучения городищ, но и по другим вещественным и устным источникам.

Итак, мы можем отметить, что Ходаковский прежде всего привлек внимание к источникам, не интересовавшим Карамзина, — археологическим, топонимическим, фольклорным, геральдическим и т. д., призывая заниматься ими для изучения древней истории славян. Уже одна эта мысль дает право Ходаковскому на заметное место в нашей историографии.

Не менее важен широкий общественный резонанс «Проекта ученого путешествия» Ходаковского. В журналах появился ряд статей, дополнявших списки городищ Средней России, составленные Ходаковским. Такие статьи опубликовали журналист Михаил Николаевич Макаров (1789—1847), А. Г. Глаголев — впоследствии автор «Краткого обозрения древних русских зданий и других отечественных памятников» и А. Бояркин¹⁸. Идея Ходаковского,

¹⁷ Цитирую по А. Н. Пышину. Указ. соч., стр. 76.

¹⁸ М. Макаров. Письмо к редактору. «Вестник [Европы], ч. СХІІІ, 1820, стр. 306—310; А. Бояркин. Городище на р. Сарре. Там же, стр. 311; А. Глаголев. Записка о городищах, курганах и других старинных насыпях в Тульской губ. «Вестник Европы», ч. СХІV, стр. 184—191; М. Макаров. Другая записка для г-на Доленги-Ходаковского. Там же, стр. 191—204.

следовательно, заинтересовала русскую общественность. Недаром М. Н. Макаров писал, что «по страстной охоте до всего, принадлежащего к славяно-русским древностям» он и до призыва Ходаковского вел записи об археологических памятниках¹⁹.

Еще в 1819 г. он ставил вопрос: «Почему наши любители древностей, занимаясь одной письменностью летописей, не хотят еще рассматривать и исследовать некоторые, так сказать, немые, но самые любопытнейшие памятники временников, сохранившиеся в архивах самой природы?»²⁰. Переключка с мыслями Ходаковского, как видим, полная.

Известно, что данные о городищах сообщал Ходаковскому и В. Н. Каразин. Позднее он так выразил свои мысли о них: «Городища почитаю я старее цезарей и важнее для нас их монет. Нет никакого сомнения, что Харьковская и сопредельные ей губернии были обитаемы за две тысячи лет и более народом земледельческим, не кочевым, каковы впоследствии заступившие место его половцы и татары. Многочисленный русский народ не в десятом лишь столетии внезапно как бы вынырнул из земли, но существовал гораздо прежде в тех же почти странах и думаю, что эти земледельцы не кто иные, как наши праотцы... Самые формы многих открытых мной глиняных сосудов это доказывают»²¹. Думается, что под этими словами подписались бы и многие современные археологи. Сведения о псковских городищах получены Ходаковским от Евгения Болховитинова (1767—1837), осматривавшего их еще до его запроса²².

Известны имена и других корреспондентов Ходаковского²³.

¹⁹ М. Макаров. Письмо к редактору, стр. 306—310.

²⁰ М. Макаров. Краткая записка о некоторых достопамятностях Резанских и Пронских. «Труды Общества любителей российской словесности», ч. 16. М., 1819, стр. 122. О заслугах М. Н. Макарова в области науки см. М. К. Азадовский. История русской фольклористики. М., 1958, стр. 126—129.

²¹ Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, стр. 589, 590

²² Письма митрополита Киевского Евгения Болховитинова к В. Г. Анастасевичу. РА. 1889, № 6, стр. 209.

²³ В. А. Францев. Польское славяноведение конца XVIII—первой четверти XIX столетия. Прага, 1906, стр. CXLV.

Так в результате работ самого Ходаковского и его добровольных помощников был собран большой материал к карте городищ той части России, которая до этого не привлекала внимания исследователей древности. Именно тогда, наряду с сибирской и причерноморской археологией, стала складываться археология собственно русская. Материалы, собранные Ходаковским, не пропали втуне. В «Древней русской истории до монгольского ига» М. П. Погодин опубликовал две карты городищ, по Ходаковскому²⁴.

Работа Ходаковского не была, следовательно, трудом маньяка-одиночки, не была бесплодной, она заняла место в трудах историков.

Наконец, надо сказать и о самом «ученом путешествии» Ходаковского. Почти без средств, без всякого предшествующего опыта, своего или чужого, Ходаковский, естественно, не мог достичь больших результатов, но все же нельзя считать его раскопки совершенно бесплодными.

Наряду с поисками городищ, Ходаковский занимался и раскопками погребений. Это еще раз говорит о широте его интересов. Исследовались сопки и жальники под Ладогой, Новгородом и в Бежецком уезде. В тех записях, которые попали в печать, мы найдем ряд археологических наблюдений, показывающих Ходаковского пытливым исследователем. Он очерчивает область распространения сопок, говоря, что они «известны от Рождественского села на Оредежи до берегов Шексны и от Старой Ладogi до начала реки Мсты», и детально описывает картину, вскрытую раскопками сопок: «Открылась костерная, так сказать, постель, на которой сгорел покойник. Видно, что он лежал в длину, меж востока и запада, с боку, от севера поставлен был горшочек»²⁵. Восстанавливается и картина насыпания сопок: «Чернозем был в исподе обеих сопок. На той поверхности положен был сначала венец из камней, после клали в середине крупные камни и на оные насыпали песок и щебень, взятый с берега реки.

²⁴ М. П. Погодин. Древняя русская история до монгольского ига, т. III. М., 1871.

²⁵ Хо да ко в с к и й. Сопки. РИС, т. VII, 1844, стр. 369, 373.

*Сопка на правом берегу р. Мсты, у дер. Бор Новгородской области
(фото С. Н. Орлова)*

Совершивши холм, окладывали толстым дерном»²⁶. В другом отчете отмечается, что в жальниках «при всяком покойнике лежал нож»²⁷. Всего их найдено 11, и Ходаковский сравнивает их с ножом из усыпальницы Сергия Радонежского²⁸.

Из писем Евгения Болховитинова мы знаем и об интересе Ходаковского к мечу Довмонта, хранившемуся в соборе Пскова²⁹. Эти два известия показывают, что Ходаковский понимал важность сравнения вещей

²⁶ Отрывок из путешествия Ходаковского по России. РИС, т. III, кн. 2, 1839, стр. 148. Ср. позднейшие описания сопок: Н. Н. Черныгин. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941, стр. 96, 97, табл. XII; С. Н. Орлов. Новые сведения о сопках волховского типа в районе Старой Лядоги. СА, 1958, № 1, стр. 236—239.

²⁷ Разные известия. «Северный архив», № 10, 1822, стр. 314, 315.

²⁸ Ходаковский. Сопки, стр. 377.

²⁹ РА, 1889, № 7, стр. 326.

в раскопок с древними вещами, сохранившимися в церквах и монастырях. Наконец, из сопоставления сопок и жальников делается вывод: «В оном жальнике хоронили людей не сожженных... то-есть в позднейшие времена»³⁰. Все, найденное Ходаковским при раскопках, было сохранено, вплоть до человеческих костей, что для того времени необычно³¹.

Как видим по этим записям, Ходаковский проявил себя на раскопках не как кладоискатель, а как настоящий исследователь. Из всего, что мы знаем о Ходаковском, можно сделать вывод, что в его лице русская наука имела серьезного ученого, который сформулировал положение об археологических памятниках как источнике по древней истории, начал изучение археологии Центральной России, собрал археологические данные, использованные затем историками, и привлек к археологии внимание современников.

С именем Ходаковского связан и первый широкий план археологических исследований в России.

Уже в начале XIX в. русские ученые сознавали, что пора перейти от случайных раскопок в разных местах к планомерному археологическому исследованию страны.

Через 20 лет после Ходаковского эту мысль развивал друг Герцена Вадим Васильевич Пассек (1808—1842). Это был горячий патриот и серьезный ученый, оставивший известный след в истории русской этнографии³². Как археолог он успел сделать мало, но нельзя не оценить понимание им исторических задач археологии.

В 1837 г. Пассек обратился в Общество истории и древностей российских с планом исследования русских курганов. Задачи этого исследования Пассек четко сформулировал, исходя из нужд исторической науки. Раскопки, по его словам, должны «открыть новый путь для исторических исследований о тех веках, для которых не существуют и летописи». Раскопав курганы разных видов, «мы откроем новую летопись — не обезображенную пере-

³⁰ Отрывок из путешествия..., стр. 153.

³¹ В. А. Францев. Указ. соч., стр. СХХХII.

³² См. о нем В. И. Срезневский. В. В. Пассек и его письма к И. И. Срезневскому. РС, 1893, № 5 и № 9; А. И. Герцен. Былое и думы. Собр. соч., т. 8. М., 1956, стр. 136—144.

Вадим Васильевич Пассек

писчиками, не опровержимую для наших кабинетных скептиков»³³.

В одной из статей Пассек, коснувшись летописного материала, говорит: «Чувствуешь необходимость в других исторических пособиях, которые объясняли бы слова летописей и дополняли самую важную сторону исто-

³³ Н. П. Барсуков. Указ. соч., стр. 71, 72 (письма Пассека к Погодину).

рии народа, раскрывая его верования, весь домашний быт его. При всем богатстве летописей, как бедна была бы древняя история Италии, если бы самые народы не оставили своих неподдельных письмен, своих укреплений, статуй, оружия, урн, зданий»³⁴. Такой же важный материал должны дать, как убежден Пассек, и курганы России, где можно найти как каменную стрелу, так и железную саблю, и даже египетские и греческие импортные вещи.

Эти исходные установки плана Пассека показывают широту его исторических воззрений. Пассек сознает неполноту летописного материала, который не освещает древнейший период и даже для позднейших эпох должен быть дополнен данными о быте древних людей: ему ясна и необъективность письменных свидетельств и необходимость сопоставления их с вещественными источниками.

Пассеку хорошо знакомы новейшие археологические материалы по истории Древнего Рима. Наконец, важно понимание Пассеком сложности, многослойности древностей России. Не только ученые XVIII в., но и некоторые современники Пассека, собравшие большой археологический материал, не понимали, сколь он разновозрастен. Даже в 1857 г. Э. И. Эйхвальд считал одновременными найденные в Сибири каменные орудия, бронзовые котлы, надмогильные статуи, развалины городов, приписывая все эти древности одному народу — «чуди»³⁵. Пассек понимает, что курганы России содержат древности, начиная от периода, когда использовались каменные орудия, до эпохи греческого влияния и даже вплоть до средневековья.

Очень содержателен и план самих археологических исследований. Пассек хочет понять различие типов курганов и «разрыть по несколько из них, принадлежащих к одному какому-нибудь виду»³⁶. Ему ясно значение обряда погребения и находок в курганах для определения этнической принадлежности погребенных. Он намерен «по найденным вещам и обычаю погребения сделать зак-

³⁴ В. П а с с е к. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов. РИС, т. III, кн. 2. М., 1839, стр. 202.

³⁵ Э. И. Э й х в а л ь д. О чудских копиях. ЗРАО, т. IX, вып. 2. СПб., 1857.

³⁶ Н. П. Б а р с у к о в. Указ. соч., стр. 72.

лечение о народе, насыпавшем» курганы³⁷. Далее предполагается картографировать «валы, городища, курганы и урочища, потому что этим средством могли объясниться связь, взаимное отношение и некоторым образом самое назначение насыпей»³⁸. Наконец, внимание Пассека привлекают каменные бабы, и он хочет исследовать их связь с курганами.

К сожалению, Общество истории и древностей не могло выделить средств на работы Пассека, а его ранняя смерть оборвала исследования. Наиболее значительный вещественный результат археологической деятельности Пассека — это, пожалуй, коллекция половецких каменных баб, привезенная им в музей Московского университета. Ныне эта тщательно подобранная коллекция хорошо сохранившихся изваяний разных типов находится в Государственном Историческом музее. По словам автора ряда исследований о каменных бабах Н. И. Веселовского, коллекция каменных баб Исторического музея — лучшее собрание в России³⁹.

Нас интересуют, однако, не столько полевые открытия Ходаковского и Пассека, сколько их идеи, их научные установки. Мы видим, что оба ученых еще в начале XIX в. выдвинули широкую программу исследования древностей Центральной России с целью получить новые источники по истории славян и других древних народов нашей страны. Многие положения этих первых русских археологов-историков были развиты впоследствии их продолжателями.

Четырехлетние раскопочные кампании во Владимиро-Суздальской земле, проведенные в 1851—1854 гг. П. С. Савельевым и А. С. Уваровым, ставились именно так, как предполагали вести свои исследования Ходаковский и Пассек. Район раскопок был выбран на собственно русской территории, при этом не случайно, а в связи с определенными историческими данными. Заранее было решено, что задача раскопок — выяснение исторических вопросов, всего быта древнего населения края, а не поиски отдельных эффектных вещей. В альбоме к работе

³⁷ В. Пассек. Указ. соч., стр. 207, 208.

³⁸ Там же.

³⁹ Н. И. Веселовский. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах». ЗООИД, т. XXXII, 1915, стр. 439.

Уварова изданы все находки, показывая внимание исследователей к самым рядовым предметам древнего быта⁴⁰. С точки зрения методики раскопок работы Савельева и Уварова осуждаются современной наукой, но все же мы должны отдать им должное как ученым. Нередко и сейчас археологи отправляются в поле, не имея определенного плана исследований, не зная, какие проблемы предстоит им решать. Такие археологи просто описывают материал, который им дает земля. Несомненно, более правилен был путь Ходаковского, Пассека, а затем и Уварова, заранее планировавших свои работы, заранее знавших, на решение каких проблем надо направить все усилия экспедиции при раскопках. В ясном понимании исторических задач археологии и целенаправленности своей работы, как и в исследовании вопросов археологии Центральной России, Уваров был достойным продолжателем Ходаковского и Пассека.

⁴⁰ А. С. У в а р о в. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1871.

ЗАРОЖДЕНИЕ ПЕРВОБЫТНОЙ АРХЕОЛОГИИ В РОССИИ. СЛОЖЕНИЕ АРХЕОЛОГИИ КАК ЕДИНОЙ НАУКИ

Изучая историю археологии, мы сталкиваемся с тем, что отдельные разделы этой науки возникли не только в разное время, но и независимо друг от друга. Было бы неверным писать историю археологии, исходя из того, что присущий людям интерес к прошлому побуждал их изучать те или иные области далекой старины — сначала древности античные, а затем средневековые и первобытные. История развития археологии сложнее. То понимание этой науки, к которому мы пришли сейчас, когда археология рассматривается как наука историческая, не было изначальным. Интерес к древностям во многих странах складывался впервые в среде деятелей искусства, и археология сперва изучала лишь памятники искусства Древних Греции и Рима. Это характерно для Италии эпохи Ренессанса, где собственно и зародилась античная археология (с XIV, а особенно в XV—XVI вв.), и для других западноевропейских стран в ту же и несколько более позднюю эпоху. Неотделима от истории искусствovedения не только история античной археологии; и до сих пор в ряде стран археологи, изучающие античность, работают и организационно и по существу в отрыве от остальных археологов, в контакте с искусствоведами и филологами.

Изучение древнейших этапов истории человеческого общества начинается позднее — уже в XIX в. — и совсем в другой среде — в среде ученых-естественников.

Развитие первобытной археологии теснейшим образом связано с развитием биологии нового времени, с развитием эволюционной теории. И сейчас эта связь во многих местах сохраняется.

Основным изданием французских специалистов по палеолиту является журнал «L'Anthropologie», где публикуются и антропологические статьи, и статьи по палеолиту; в журнале же «Revue archeologique» статьям по палеолиту не находится места. Только археология средневековья возникает в непосредственной связи с развитием исторической науки и с самого своего возникновения обслуживает ее нужды.

Лишь к концу XIX — началу XX в. отмечается сближение трех областей археологии, и определяется единство их задач, но, как видим, еще и сейчас не всюду произошло полное слияние разных отделов науки о древней истории человечества в одну науку. Важные шаги в этом направлении сделаны советскими учеными. Так, впервые в 1930-х годах в Московском университете был создан первый единый курс археологии от палеолита до средневековья.

Необходимо помнить и о том, что связь археологии с историей далеко не везде так неразрывна, как в СССР. Показательно, например, что в Польше нет музеев, отражающих историю страны от палеолита до нового времени, а существуют отдельно археологические музеи (Варшава, Познань, Краков, Лодзь), музеи истории городов (Варшава, Познань), музеи, дающие представление о комплексе исторических памятников (Вавель в Кракове). То, что в Государственном Историческом музее в Москве прошлое СССР от палеолита до XIX в. показано в сплошной экспозиции, служащей образцом для многих местных музеев, является важным вкладом в развитие нашей науки.

В связи со всем этим очень интересно проследить процесс сложения археологии как единой науки, возникновения и соотношения разных направлений археологии в России первой половины и середины XIX в.

Как мы уже отметили, в начале XIX в. был краткий период, когда археология в России занималась почти исключительно античностью. В деятельности президента Академии художеств Оленина мы видим и характерную

для первых археологов-античников связь с искусством. Вспомним формулировку задач археологии, данную Олениным.

Однако очень скоро в России зарождается археология средневековая. При этом уже первые археологи-медиевисты работают целиком в сфере истории. Уже Ходаковский в 1818—1820 гг. призывает изучать русские городища и курганы «для объяснения древней славянской истории» и пишет одновременно исторические и археологические статьи.

Параллельное развитие славянской и античной археологии способствовало сближению этих двух разделов науки.

Начало исследования первобытных древностей в России падает уже на середину XIX в. Как и во всей Европе, эти исследования начинаются в среде биологов. Видную роль здесь сыграл крупнейший русский биолог — академик Карл Максимович Бэр (1792—1876). 10 октября 1859 г. он выступил в Русском географическом обществе с лекцией «О древнейших обитателях Европы», ознакомив широкую публику с новейшими открытиями в области первобытной археологии во Франции, в Дании и в других странах. В этой лекции Бэр наметил и программу исследований по каменному и бронзовому веку в России.

Бэр указывал на ряд находок бронзовых орудий, в частности, на кельты, доставленные ему с Урала, и впервые в русской литературе высказал мысль, что «чуждые копи» Сибири и Урала, описанные еще Лепехиным и Палласом, могут относиться к бронзовому веку. К 1859 г. в России были известны считанные единицы находок каменных орудий. Те орудия, о которых писали ученые XVIII в. были давно утрачены. И Бэр совершенно правильно выдвинул как ближайшую задачу первобытной археологии в России — сбор коллекций каменных орудий и фиксацию условий их находок¹. В 1862 г. он опубликовал специальную программу «собираения доисторических древ-

¹ Лекция Бэра «О древнейших обитателях Европы» опубликована как приложение в кн. М. И. Ш л е й д е н. Древность человеческого рода, происхождение видов и положение человека в природе. СПб., 1865.

ностей»². Коллекции стали накапливаться, причем концентрировались они в анатомическом кабинете музея Академии наук, а не в каком-либо историческом или археологическом учреждении. Бэр с этими учреждениями не был связан и, видимо, не очень им доверял. «Мы по большей части теряем опять все то, что не принадлежит к греческому искусству»³, писал он. Так, при самом зарождении первобытной археологии в России сложилась связь этой области науки не с историей, а с биологией.

И в дальнейшем крупнейшие заслуги в деле изучения каменного века России принадлежат естественникам. Среди них хранитель Зоологического музея Академии наук Иван Семенович Поляков (1847—1887)⁴, профессор зоологии, специалист по простейшим организмам (губки, водоросли) и по виноградарству Константин Сергеевич Мережковский (1854—192?)⁵, профессор геологии Петербургского университета Александр Александрович Иностранцев (1843—1919)⁶. Эти три человека во многом определили пути русской первобытной археологии.

Можно назвать и другие имена. Первая палеолитическая стоянка в России найдена в 1871 г. под Иркутском Иваном Дементьевичем Черским (1845—1892)⁶. Черский — геолог и палеонтолог, автор блестящих работ о геологии Прибайкалья, о четвертичной фауне Новосибирских островов и района Верхоянска. Он исследовал геологические условия вдоль Якутского тракта — от Иркутска до Верхоленска, изучал район Нижней Тунгуски, оставил зоологические и метеорологические наблюдения⁷. Другая палеолитическая стоянка в Сибири, близ Томска,

² Бэр и Шифнер. О собирании доисторических древностей в России для этнографического музея. «Записки Академии наук», т. I, кн. 1. СПб., 1862, стр. 115—123.

³ К. М. Бэр. О древнейших обитателях Европы, стр. 101.

⁴ См. о нем Д. Н. Анучин. О людях русской науки и культуры. М., 1950, стр. 96—104.

⁵ См. о нем С. С. Кузнецов. Отечественные геологи. М., 1958, стр. 54—71.

⁶ И. Д. Черский. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода. «Известия Сибирского отделения РГО», т. III, № 3. Иркутск, 1872, стр. 167—172.

⁷ См. о нем в кн. И. Д. Черский. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Иркутск, 1956.

Карл Максимович Бэр

изучена в 1896 г. Николаем Феофилактовичем Кащенко (1855—1935)⁸. Это — томский профессор, эмбриолог и маммолог — систематик, получивший особую известность работами по акклиматизации растений⁹.

С именем создателя научного почвоведения Василия Васильевича Докучаева (1846—1903) связано открытие не-

⁸ Н. Ф. К а щ е н к о. Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современным ему человеком. «Записки Академии наук по физико-математическому отделению», VIII сер., т. XI, № 7. СПб., 1901.

⁹ См. о нем словарь «Русские ботаники», т. IV. М., 1952, стр. 113—116.

олитических стоянок Балахнинской низины. Кроме того, Докучаев изучал мезолитические стоянки Оки — Борки и Елин Бор, участвовал в обследовании палеолитической стоянки Карачарово и многих неолитических окских стоянок¹⁰.

Поселения эпохи неолита и бронзы под Казанью изучали профессор хирургической патологии и терапии Казанского университета Николай Федорович Высоцкий (1843—1922) и другой казанский профессор Александр Антонович Штукенберг (1844—1905), известный своими трудами по палеонтологии палеозоя и геологии Урала и Поволжья¹¹. Штукенбергу принадлежит и сводка материалов по бронзовому веку Приуралья¹². Третий казанский профессор — геолог Петр Иванович Кротов (1852—1914) также оставил ряд археологических статей¹³. Вспомним, наконец, и о таких, более близких к нам по времени ученых-естественниках, работавших в области археологии, как Д. Н. Анучин и А. П. Павлов.

Таким образом, перед нами не отдельные любители археологии из ученых-естественников, а целая плеяда исследователей, внесших в изучение древнейшего прошлого России очень большой вклад. Достаточно указать на заслуги в области археологии К. С. Мережковского. В 1879 и 1880 гг. в Крыму он впервые в России провел исследования пещер с целью поисков остатков палеолита. Результаты этих двух раскопочных кампаний столь велики, что с ними не могут сравниться многочисленные раскопочные сезоны продолжателей Мережковского¹⁴. С 1923 г.

¹⁰ Обзор археологических работ В. В. Докучаева см. в статье: М. З. П а н и ч к и н а. Мезолитическая стоянка Борки. МИА, № 2, 1941, стр. 149.

¹¹ Н. Ф. В ы с о ц к и й. Каменный век в Казанской губ. ИОАИЭ, т. XXIII, вып. 6, 1908; А. А. Ш т у к е н б е р г и Н. Ф. В ы с о ц к и й. Материалы для изучения каменного века в Казанской губ. «Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете», т. XIV, вып. 5. Казань, 1885.

¹² А. А. Ш т у к е н б е р г. Материалы для изучения бронзового (медного) века восточной полосы Европейской России. ИОАИЭ, т. XVII, вып. 4, 1901, стр. 165—213.

¹³ П. И. К р о т о в. К вопросу об относительной древности остатков каменного века на Оке. «Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете», т. X, вып. 2, 1881; е г о ж е. О раскопках близ дер. Галкино. ИОАИЭ, т. III, 1884, стр. 180—185.

¹⁴ К. С. М е р е ж к о в с к и й. Отчет о предварительных ис-

Пещера Волчий грот близ с. Мазанка в Крыму — первый древнепалеолитический памятник, найденный в России (фото О. Н. Бадера)

и вплоть до настоящего времени в Крыму почти без перерыва ведутся исследования палеолита. Сделан ряд замечательных открытий. Но по сути дела в выделении основных этапов палеолита Крыма мы очень недалеко отошли от Мережковского. До сих пор наиболее ранними памятниками Крыма остаются мустьерские стоянки. Наличие мустье в Крыму установил уже Мережковский¹⁵. В пещере Волчий грот (см. рис. на стр. 77) он открыл первую в России мустьерскую стоянку. Кроме того, он выявил два мустьерских местонахождения — Кабази и Замрук. Последний памятник до находок под Судаком в 1958 г. был единственным в Крыму палеолитическим пунктом на побережье. Характеристика верхнего палеолита Крыма строится на материалах исследованных Мережковским

следованиях памятников каменного века в Крыму. ИРГО, т. XVI, вып. 2, 1880; е г о ж е. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 г. ИРГО, т. XVII, вып. 2, 1881.

¹⁵ К. М е р е ж к о в с к у. Station moustérienne en Crimée. «L'Homme», Nr. 10, 1884.

пещер Сюрень I и Качинский Навес. Продолжателям Мережковского ни одного памятника верхнего палеолита найти не удалось.

Мезолит в Крыму был также найден Мережковским при раскопках в пещерах Сюрень II и Черкез-Кермен. Он же обнаружил в Крыму открытые поселения с микролитическим инвентарем на плато Яйлы (три стоянки у Кизил-кобы).

Мережковский оставил след в археологии не только как полевой работник. Как убедительно показал С. Н. Замятин, именно Мережковский, а не А. Мортилье, первый установил, что микролиты относятся к периоду между палеолитом и неолитом, заполняют пресловутый хиатус¹⁶.

Не меньшие заслуги перед археологией имеет и И. С. Поляков¹⁷. Он разработал другой метод поисков палеолитических памятников. Если Мережковский искал их в пещерах, то Поляков обнаружил палеолит по находкам костей четвертичных животных. Исследования Полякова в Костенках, где уже в XVIII в. находили кости мамонта, были первым опытом в этом направлении, и именно ему мы обязаны знанием классического района верхнего палеолита.

Поляков обследовал и неолитические стоянки на Севере Европейской России, в Верхнем Поволжье, в бассейне Оки, в Сибири и на Сахалине. Поляков же раскапывал Фатьяновский могильник.

Наконец, А. А. Иностранцев оставил нам классический труд о неолите на Ладожском озере¹⁸. Исследование остатков каменного века дано им необычайно разносторонне.

¹⁶ С. Н. З а м я т и н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. «Труды Института этнографии», т. XVI, М., 1951, стр. 90.

¹⁷ Основные работы И. С. Полякова по археологии: Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию. Приложение к т. XX XVII «Записок Академии наук». СПб., 1880; Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине р. Оки и на Верхней Волге. «Записки РГО по отделению этнографии», т. 9. СПб., 1882.

¹⁸ А. А. И н о с т р а н ц е в. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882.

Константин Сергеевич Мержковский

Помимо материальной культуры неолита, охарактеризованы геологические условия находок, флора, фауна позвоночных, моллюсков и насекомых, антропологические данные, высказаны соображения о климате.

Все это показывает, сколь значителен был вклад ученых-естествоиспытателей в развитие русской археологии. Они сделали крупнейшие открытия, нашли новые методы

исследования археологического материала¹⁹. Работы их ставились в тесной связи с биологическими и геологическими проблемами. Это видно не только по книге Иностранцева. Мережковский, параллельно с раскопками, проводил в Крыму антропологические исследования, Черский и Кащенко изучали фауну с палеолитических стоянок, Докучаев использовал археологические наблюдения в почвоведческих и геологических работах.

В то же время мы не обнаруживаем почти никакой связи всех этих ученых с официальной русской археологией.

За исключением маленькой статьи Иностранцева, в «Известиях Археологической комиссии» не напечатано ни одной работы по первобытной археологии России. Исследования Мережковского по палеолиту Крыма проходили в стороне и от Археологической комиссии, и от Московского и Русского археологических обществ. Его статьи печатались в «Известиях Географического общества», в «Трудах» этого общества должна была быть опубликована и монография Мережковского по крымскому палеолиту, к сожалению, не увидевшая свет. В 1870-х годах Мережковский стремился создать в Петербурге антропологическое общество, одной из задач которого должно было стать изучение палеолита. Поляков вел свои исследования на средства того же Географического общества и на средства Академии наук, где тогда археология не была представлена. Кротов, Штукенберг, Высоцкий публиковали работы по каменному веку в «Известиях Казанского общества естествоиспытателей».

↓ Все это не случайно. Здесь отразились, с одной стороны, равнодушие Археологической комиссии и археологических обществ к первобытной археологии России, чисто естествоведческое направление самих исследователей каменного века — с другой и, наконец, более глубокие поли-

¹⁹ Следует, однако, отметить, что первые попытки применить данные биологии при обработке материалов из раскопок относятся к более раннему времени и принадлежат археологам. Уже в 1842 г. Оленин обратился к ботанику Ф. Б. Фишеру (создателю Петербургского Ботанического сада) с просьбой определить породу дерева, из которого сделана лира, найденная при раскопках в Керчи. См. «К истории археологических исследований в южной России. Из переписки А. Н. Оленина». ЗООИД, т. XV, 1889, стр. 109.

Иван Семенович Поляков

тические и идеологические расхождения между археологами-историками и археологами-натуралистами.

Все интересующие нас исследователи сложились как ученые в годы демократического движения 60-х годов XIX в. когда изучение естественных наук играло огромную роль в жизни молодой России. Последователи Писарева видели в естествознании лучшее воплощение того «реального дела», которое властитель их дум противопоставлял «болтовне» школы и университета старого времени. Естествознанию придавался исключительно боевой характер. Интерес к каменному веку был тогда неотъемлемой частью изучения эволюционной теории, одним из звеньев в цепи доказательств правоты материалистов в борьбе с обскурантами.

Исследователи каменного века России — сверстники демократов 60-х годов, выходцы из той же разночинной среды. В николаевские времена археологией занимались обер-прокурор Сената Оленин, сенатор Сумароков, киевский губернатор Фундуклей, керченский градоначальник Стемпковский; теперь на смену этим представителям родовитого дворянства и чиновной администрации пришли выходец из простой казачьей семьи Поляков, сын бедного сельского священника Докучаев, польский революционер Черский.

Поляков был настолько типичным представителем разночинной интеллигенции, что в споре с Тургеневым о «Новых людях», об образе Базарова известная деятельница женского движения А. П. Философова указывала на Полякова как на одну из самых характерных фигур в поколении «новых людей»²⁰. Поляков не состоял в каких-либо народнических группах, но был близок со многими революционерами и привлекался к следствию по делу Кропоткина.²¹

К. С. Мережковский в молодые годы был, по воспоминаниям его брата, «ярим нигилистом». В поэме «Старинные октавы» Дмитрий Мережковский пишет:

Был Костя — старший брат мой — правоведем,
Но поступил он, возмутившись вдруг,
И полный нигилизма модным бредом,
На факультет естественных наук.
... смеяь над чертом и над богом,
Он все, во что я верил, разрушал²².

В прозаических воспоминаниях Дмитрий Мережковский рассказывает, что Константин одобрял убийство Александра II народовольцами²³.

²⁰ Из переписки И. С. Тургенева. «Звенья», V. М.—Л., 1935, стр. 300.

²¹ П. А. Кропоткин. Записки революционера. М.—Л., 1933, стр. 206, 207 и др.

²² Д. С. Мережковский. Полн. собр. соч., т. XIV. СПб.—М., 1912, стр. 177, 178.

²³ Д. Мережковский. Автобиографическая заметка. В кн. «Русская литература XX века» (под ред. С. А. Венгерова). Изд. «Мир», кн. 3, [б. г.], стр. 290.

«Александр Александрович Иностранцев»

Неудивительно, что у преданных самодержавию археологов николаевской школы не нашлось общего языка с Поляковым и Мережковским. Деятели официальной русской археологии середины XIX в. известны своей ретроградностью. «Археологи возмущали меня своим равнодушием к насущным потребностям народа, — пишет этнограф-каракозовец И. А. Худяков. — Мало того, некоторые из них прямо брали на себя обязанности III отделения. На археологических вечерах и у И. И. Срезневского постоянно можно было слышать о политическом настроении молодежи. «Что Чернышевский? — говорил

археолог Григорьев. — Вот в наше время Сенковский был!» — Они там в «Современнике», хотят революцию сделать, — вопиял Срезневский. — Я думаю, все честные люди должны собраться и сделать контрреволюцию и крестовый поход против невежества»²⁴. Натуралисты-безбожники, вторгающиеся в сферу истории, естественно, были нежелательными коллегами для таких археологов. И первобытная археология не получила в царской России той поддержки, которую правительство оказывало и античной, и славяно-русской археологии.

С другой стороны, сами исследователи палеолита сторонились археологии исторического направления.

В этой связи интересен доклад Иностранцева о периодизации каменного века, сделанный на съезде русских естествоиспытателей и врачей. Весь этот доклад построен на противопоставлении подхода к каменному веку натуралистов и археологов-историков. Иностранцев доказывает, что подход натуралистов правильнее, ибо они изучают и человека, и его окружение, а подход историков узок, случаен, так как они исследуют только особенности обработки кремня. По мнению Иностранцева, классификация палеолита Г. Мортилье, основанная на анализе орудий труда первобытного человека, несостоятельна. Периодизацию каменного века можно дать только на материалах фауны и флоры со стоянок²⁵.

Правильно отметив необходимость комплексного изучения палеолита, археологи-натуралисты не учитывали того, что подход к исследованию человеческого общества, даже самого примитивного, должен быть иным, чем подход к любым формам природных явлений. Это характерно не только для Иностранцева. В одном из докладов в Географическом обществе Поляков стремился показать «важность и весь интерес изучения остатков каменного века как со стороны изменений, потерпленных самим человеком (как биологическим видом. — А. Ф.), так и со стороны огромных перемен, совершившихся в самой природе

²⁴ И. А. Худяков. Записки каракозовца. М.—Л., 1930, стр. 76, 77.

²⁵ А. А. Иностранцев. О подразделении каменного периода на отделы. «Речи и протоколы VI съезда русских естествоиспытателей и врачей». СПб., 1880, стр. 265—289.

и, наконец, со стороны собственно зоотехнической»²⁶. Все три аспекта, как видим, биологические.

Эта тенденция отрыва от историков доходит до XX века. В ряде статей предреволюционных лет по проблемам первобытности подчеркивается «антропологический», а не археологический характер работ по каменному веку. Так, в 1913 г. исследователь Мезинской стоянки Ф. К. Волков печалился о забвении естественно-исторических установок специалистов по палеолиту XIX в. в труде Ж. Дешелетта, соединившего в одном издании археологию от палеолита до галло-римского периода. По словам Волкова, книга Дешелетта «очень на руку тем «археологам», которые и до сих пор не могут примириться с палеоэтнологией, как с одной из естественных наук»²⁷. В статье видного этнографа Л. Я. Штернберга «Что такое доисторическая археология» также говорится о том, что это раздел антропологии естественно-историческая дисциплина²⁸.

Таким образом, первые исследователи каменного века России тяготели к естественникам и сторонились археологов не только вследствие пренебрежения к первобытности со стороны археологов, но и в силу своих теоретических установок. Это говорит об их определенной ограниченности, свойственной во многом материалистам писаревской школы

Весьма вероятно, что первобытная археология вообще не вошла бы в круг интересов дореволюционной русской археологии, если бы не деятельность Алексея Сергеевича Уварова (1828—1884). Этот археолог, занимавшийся сначала античностью, посвятивший свои основные работы русской археологии, в последние годы жизни вплотную занялся первобытностью и стремился связать все области археологии воедино²⁹. В своей речи на III археологическом съезде он говорил: «Неведение нашей первобытной археологии не может служить предлогом для исключе-

²⁶ ИРГО, т. VIII, № 3, 1872, стр. 128 (протоколы докладов).

²⁷ Ф. К. Волков. Новейшие направления в антропологических науках и ближайшие задачи антропологии в России. «Ежегодник Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете», т. IV. СПб., 1913, стр. 5.

²⁸ Л. Я. Штернберг. Что такое доисторическая археология. «Вестник и библиотека самообразования», 1903, стр. 127—132.

²⁹ Основные труды А. С. Уварова: Исследование о древно-

ния ее из общего объема всей русской археологии. Хотя теперь, в данную минуту, мы не дошли еще до полного уяснения, каким народам принадлежат все эти памятники, и какое могли иметь влияние эти народы на последующих насельников России, однако, и теперь мы не вправе отрицать а priori всякую связь между этими народами первобытной эпохи с нашими историческими племенами, тем более, что народы бронзового периода в последовательности эпох служили наверно средним звеном между этими племенами каменного века и племенами, упоминаемыми в летописях»³⁰.

В этих словах заключено ясное понимание исторического характера первобытной археологии как науки, которого не было еще у многих исследователей каменного периода, видевших в своих работах лишь область антропологии или геологии.

Сейчас деятельность А. С. Уварова как археолога рисуется нередко только черными красками³¹. Несомненно, в его работах было много от аристократического дилетантизма, раскопки он вел на невысоком методическом уровне, его политические убеждения были реакционны, но все это не должно заставлять нас закрывать глаза на другие стороны деятельности Уварова. Он был основателем Исторического музея, Московского Археологического общества, инициатором созыва археологических съездов. Создавая Московское археологическое общество, он указал, что двери Общества должны быть открыты для широкой публики. В этом Московское общество, возникшее в период демократического движения 60-х годов, резко отличалось от аристократического кастово-замкнутого Русского Археологического общества в Петербурге, основанного при Николае I. И самое главное, во всех созданных Уваровым археологических учреждениях — в музее, в Обществе,

стях южной России и берегов Черного моря. СПб., 1854; Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1871; Археология России. Каменный период, т. I—II. М., 1881.

³⁰ А. С. Уваров. Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии. Тр. III АС, т. I. Киев, 1878, стр. 33.

³¹ А. В. Арциховский. Археология. В кн. «Очерки по истории исторической науки в СССР», ч. I. М., 1955, стр. 530—533.

Алексей Сергеевич Уваров

на съездах — изучение древностей первобытных, античных и средневековых было объединено, причем подчеркивались исторические задачи археологии. Сплошная экспозиция Исторического музея от палеолита до ближайших к нам веков была построена уже при Уварове. Всего этого не было во многих западноевропейских странах, где исследования первобытности, античности и средневековья были полностью оторваны как друг от друга, так и от истории. В объединении отдельных разделов археологии — большое прогрессивное значение деятельности Уварова.

Вельможный археолог Уваров коренным образом разошелся с политикой своих коллег из Археологической ко-

миссии в Петербурге в отношении к первобытной археологии и тем сыграл в истории нашей науки далеко не реакционную роль.

Намечая некоторые вехи истории археологии в России мы можем сказать, что в начале XIX в. археология преимущественно занята античностью, главным образом историей искусства и древнего быта. К середине XIX в. намечается поворот к изучению археологии русского средневековья, направление которой становится почти сразу историческим. Сложившаяся в начале второй половины XIX в. в среде биологов первобытная археология биологического направления постепенно входит в общую сферу археологии России, и здесь на смену биологическим интересам приходят исторические. Все это подготовило переход к тому синтезу археологии, который дали в своих работах советские исследователи.

ПЕРВЫЕ РАСКОПКИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Итак, отдельные разделы археологии возникали в совершенно разной общественной среде. В этой связи интересна история первых русских раскопок в Средней Азии, зарождение восточной археологии в России.

Интерес к древностям Востока проявился в Европе гораздо позднее, чем интерес к античной археологии. В эпоху Ренессанса, когда в Италии уже ставились первые раскопки, Восток оставался далеким экзотическим краем, о котором купцы знали больше, чем ученые. И только с началом колониального проникновения европейских держав на Восток, в поле зрения культурного общества Европы попадают следы древнейших цивилизаций Индии и Египта. В конце XVIII в. появляются первые английские работы об индийских древностях (Вильям Джонс и др.), а в 1784 г. в Калькутте организуется первое научное «Восточное общество». Вслед за ним аналогичные общества образуются в Бомбее, Лондоне, Париже.

Когда в 1810 г. возникла мысль об учреждении Азиатской Академии в Петербурге, в опубликованном проекте актуальность изучения Востока ставилась в прямую связь с этими английскими исследованиями. «В последние годы XVIII века, — читаем мы в проекте, — произошел переворот во всех воззрениях на историю человеческих цивилизаций. Восток, предоставленный до тех пор лживым рассказам нескольких авантюристов и запыленным рукописям горсти ученых, был единодушно признан колыбелью

всей цивилизации мира. Случайными причинами такой реабилитации были успехи англичан в Индии, завоевание священного языка браминов — творений Зороастра, исследование Библии немецкими учеными и учреждение азиатского общества в Калькутте»¹.

Автор проекта — им был, вероятно, Г. Клапрот, писавший в период борьбы Англии и Франции за Египет и Индию, — не скрывает, что изучение Востока важно с политической точки зрения. Но он особо выделяет значение Востока как центра древней культуры. Творения Фирдоуси и Гафиза, индийская «Сакунтала», по мысли составителя проекта, должны стать знакомыми каждому образованному европейцу. Эти слова «Проекта» не случайны. Именно произведения восточной литературы привлекли к Востоку внимание не только ученых, но и широких кругов европейской интеллигенции. Напомним «Западно-восточный диван» Гете, «Ориенталии» Гюго. В предисловии к этому сборнику Виктор Гюго ставит вопрос о Востоке, как основе всей европейской культуры. «При Людовике XV явились эллинисты. Теперь нужно быть ориенталистом... Не дальше ли, не глубже ли мы будем видеть, изучая... античность в древнем Востоке?»².

Это движение не проходит мимо России, с давних пор проявлявшей к Востоку интерес и политический, и хозяйственный, и научный. Начало XIX в. в России знаменуется учреждением кафедр восточных языков в университетах (1804), созданием Азиатского музея Академии наук (1818), работами египтолога И. А. Гулянова. В 1825 г. в Академии был создан особый Египетский Музеум³. Именно в это время в Петербурге были установлены знаменитые сфинксы, а в Кузьминках под Москвой Д. Жилярди построил Египетский павильон.

Интерес европейского общества к Египту чрезвычайно возрос после Египетского похода Наполеона. Как известно, к участию в походе был привлечен целый «генеральный штаб ученых» из 122 человек. Среди них было много и ориенталистов. Находка наполеоновскими солдатами

¹ *Projet d'une Académie Asiatique. S.-Ptsb., 1810, p. 1.*

² Цитирую по Л. П. Гроссману. Лермонтов и культуры Востока. ЛН, т. 43—44. М., 1941, стр. 688, 689.

³ Т. В. Станюкович. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.—Л., 1953, стр. 215.

Розеттского камня, публикация научных результатов экспедиции заложили основы египтологии как науки. Сама же организация исследовательских работ, в связи с военным походом, стала образцом для ряда позднейших военных предприятий, сочетавших политические цели с научными изысканиями. Отныне колонизация не мыслится без изучения колонизируемого края, в том числе и его древнейшей истории.

Таким образом, если возникновение античной археологии связано с художественным движением Ренессанса, возникновение первобытной археологии — с развитием эволюционной теории в биологии XIX в., а возникновение средневековой археологии — с потребностями буржуазной исторической науки, то возникновение археологии восточной стоит в связи с периодом проникновения европейских колонизаторов на Восток.

Любопытно, что и в России, при всей разнице в особенностях политики, первые археологические раскопки в Средней Азии провела военная экспедиция. Это была экспедиция капитана генерального штаба Муравьева в Туркмению и Хиву в 1819 г. Образованному военному специалисту Николаю Николаевичу Муравьеву (1794—1866), в будущем известному деятелю кавказских войн Муравьеву-Карсскому, были поручены Ермоловым как дипломатические переговоры и разведки в Хивинском ханстве, так и «описание сего края». Муравьев был послан в Среднюю Азию с театра Кавказской войны, он переплыл со своим военным отрядом Каспий, высадился на его юго-восточном побережье и через Кара-Кумы дошел до Хивы. Подробный дневник, переработанный затем Муравьевым в описание путешествия, явился одним из первых для Европы источников информации о Хивинском царстве. И политический, и научный интерес его были столь велики, что книгу перевели на французский и немецкий языки.

Хотя экспедиция имела дипломатический характер, тем не менее предприятие Муравьева было достаточно опасным. В Хиве он был взят под стражу и, по собственному признанию, «имел весьма мало надежды вернуться». Судьба Бековича-Черкасского невольно вставала в памяти. Но несмотря на все опасности, несмотря на трудности работы в совершенно незнакомом пустынном районе, Муравьев провел в Средней Азии многочисленные наблюдения

подлинно научного характера. Было составлено всестороннее описание Хивинского ханства — и географическое, и экономическое, и этнографическое, и политическое. В связи с этим «комплексным», как бы мы сказали сейчас, изучением района, были поставлены и первые археологические раскопки в Средней Азии.

Муравьев интересовался древностями и раньше. В его дневнике, ведшемся на Кавказе еще до хивинской экспедиции, отмечены посещение древней Мдхеты, осмотр моста Помпея через Куру, развалин древней Джульфы и т. д. ⁴ Средняя Азия поразила Муравьева огромным числом развалин крепостей и следов оросительных систем. Он не раз отмечает их на протяжении «Записок», называя городища Гюшим-тепе. Утин-кала, Кизил-кала, Дуаданкаласы, Шах-Сенем ⁵ (см. рис. на обложке). На основании этих наблюдений делаются два вывода: один — исторический, другой — палеогеографический. Тем самым впервые были намечены два пути исследования древностей Восточного Прикаспия, которые сохранились по сей день.

Первый вывод: «Находящиеся развалины, следы жилья и водопроводы (оросительные сооружения. — А. Ф.) в западных степях хивинских доказывают неоспоримо древнее существование в оных государства довольно образцованного» ⁶. Муравьев знает и имя этого государства — «Хоарезмия».

Второй вывод: «Упомянутые водопроводы и развалины не суть ли ясные доказательства прежней населенности сего края, и что ныне сухое русло Ус-бой прежде вмещало в себя воды торговой реки Амин-дарьи» ⁷.

Не ограничиваясь внешним осмотром городищ, Муравьев решил поставить на одном из них раскопки, чтобы выяс-

⁴ Записки Н. Н. Муравьева-Карского. РА, 1886, № 5; № 6, стр. 306, 307. Уже после Хивинской экспедиции Муравьев побывал в Египте и осмотрел ряд древних памятников в окрестностях Александрии. См. Н. Н. Муравьев. Турция и Египет в 1832 и 1833 годах, т. III. М., 1869, стр. 102—104.

⁵ Некоторые из этих городищ обследованы позднее Хорезмской экспедицией; см. например, Ю. А. Рапопорт. Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. II. М., 1958.

⁶ Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, ч. II. М., 1822, стр. 34.!

⁷ Там же, ч. I, стр. 80; ср. стр. 152, 153.

Николай Николаевич Муравьев-Карский

нить время существования среднеазиатских тепе. «Мне хотелось найти в развалинах какую-нибудь монету, по которой бы мог заключить о древности бывшего города»⁸. Раскопки провели на Гюшим-тепе близ Атрека⁹. Монет не нашли, но некоторые наблюдения Муравьева небезынтересны. Он установил, что на холме сохранились стены и описал их; в стене же неожиданно обнаружили погребения, по-видимому, более поздние, впускные. Му-

⁸ Путешествие..., ч. I, стр. 29.

⁹ Ныне Гююш-тепе на территории Ирана, в 20 км от границы СССР. В XX в. памятник не исследовался. Возможно, это средневековый город Абескун; см. Т. Агне. Excavations at Shah-Tepe, Iran. Stockholm, 1945, p. 11, 12.

равьев в этом хорошо разобрался. Он пишет: «Серебряный бугор... не что иное, как прежняя стена большого здания или крепости, занесенная песком с восточной стороны, но в самой сей стене я нашел могилы и открыл несколько скелетов человеческих, похороненных по мусульманскому обряду, т. е. положенных боком и головой к северо-востоку. Я предположил, что тела сии позднейшего времени похоронены трухменцами. Стена... имеет около 100 или более сажень в длину, она построена из хорошего жженого кирпича, коим выложено по три ряда. Кирпичи сделаны наподобие грузинских, т. е. имеют в толщину не более вершка квадратны, бока имеют вершков 6. По четвертому ряду идут кирпичи, похожие на русские»¹⁰.

Туркмены уверяли Муравьева, что крепость Серебряного бугра построена русскими. Но Муравьев в это не верит и приводит интересный довод. Им найдено «множество битой стеклянной и каменной посуды; форма одного штофа, коего нашли горлышко с плечами, совсем не похожа на форму русских штофов»¹¹.

Таким образом, в 1819 г. Муравьев уже делал определенные этнические заключения, исходя из формы посуды. Выше мы приводили аналогичные соображения Каразина о славянской керамике. Как мы видим, уже на начальных стадиях развития русской археологии интуитивно нащупывались многие правильные методические приемы. Это касается и сделанных Муравьевым стратиграфических выводов.

Характеризуя работу Н. Н. Муравьева в целом, мы должны отдать должное этому военному человеку. Он не только не прошел мимо среднеазиатских городищ, но и сделал при их осмотре и раскопках ряд ценных наблюдений. Он связал развалины с древним Хорезмом, поставил вопрос об обводненности Узбоя, описал кладку крепостных стен, заинтересовался бытовыми находками. Среднеазиатские археологи позднейшего времени во многом шли по намеченным им путям.

Традиция Муравьева не прервалась и в том, что в 1860-е годы, в период завоевания Средней Азии, русские

¹⁰ Записки Н. Н. Муравьева-Карского. РА, 1886, № 12, стр. 473. Ср. «Путешествие...», ч. I, стр. 29.

¹¹ Путешествие..., ч. I, стр. 30.

офицеры также не оставили без внимания древние городища. На городище Джаникент на Сыр-Дарье в 1867 г. был даже поставлен сторожевой пост, чтобы местное население не растаскивало стены древнего города на кирпичи. О необходимости исследования разрушающегося памятника офицеры написали в газеты. В. В. Стасов говорил об этом: «Военные люди, которым обычно нет дела до древностей... теперь... интересуются развалинами, помышляют об их важности для науки, отряжают часовых, чтобы сторожить их, стараются о спасении их от... всякого вреда... Не прекрасно ли это, не приятнейшая ли это у нас новость»¹².

В дальнейшем эту традицию продолжил генерал А. В. Комаров, с именем которого связано присоединение к России Мервского оазиса. Комаров собрал обширный материал по археологии Кавказа и Средней Азии, был первым исследователем холмов Анау, председательствовал на Тифлисском археологическом съезде. Первые раскопки на городище Афрасиаб в Самарканде также провели военные: в 1874 г. — майор Борзенков, в 1883 г. — подполковник В. В. Крестовский. Наконец, на грани XIX и XX вв. муравьевскую традицию продолжили военный инженер И. Т. Пославский, капитан И. И. Трофимов и ряд других образованных военных, составивших в 1895 г. Туркестанский кружок любителей археологии¹³.

¹² В. В. Стасов. Неучи и доки. Собр. соч., т. II. СПб., 1894, стр. 192.

¹³ О деятельности кружка см. Б. В. Луни н. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958, стр. 38, 39.

ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Рассказав о сложении в России отдельных археологических дисциплин — античной, славяно-русской, восточной и первобытной археологии, — мы должны остановиться еще на одном особом вопросе — на состоянии охраны археологических памятников в стране. Как известно, в ряде европейских государств с начала XIX в. охрана памятников становится предметом забот правительства, специальных учреждений — комитетов охраны памятников, делом, интересующим все культурное общество. Достаточно сослаться на Комитеты охраны памятников Франции, созданные в 1837 г., активным сотрудником которых был Проспер Мериме. Как же обстояло дело в России?

| Мы помним распоряжения Петра I о реставрации развалин древнего Болгара — первый в истории России случай охраны археологических памятников, показывающий, что уже при зарождении русской археологии важность этой проблемы была понята. И в дальнейшем известны попытки поставить охрану памятников в России на должную научную базу. Назовем работу о курганах академика Петра Ивановича Кеппена (1793—1864), сыгравшего большую роль в развитии статистики и библиографии в России и издавшего ряд обзоров археологических памятников¹. Опубликовав в 1837 г. список курганов,

¹ До сих пор не утратила ценности книга Кеппена «О древностях южного берега Крыма и гор Таврических». СПб., 1837. Интересен также обзор сведений о пещерах в работе «Описание Туакской пещеры в Крыму». СПб., 1821.

отмеченных в русской литературе XVIII — начала XIX в., Кеппен пишет в заключении обзора: «сведения (о курганах.— А. Ф.) должны почитаться общественным имуществом, и оставлять их ненапечатанными почти столь же непростительно, как и раскапывать могилы по бессовестной корысти или по одному только легкомысленному любопытству. Как дни минувшие, так и самые могилы принадлежат истории, и только достойные ее служители вправе обследовать прах, некогда одушевленный»².

Таким образом, Кеппен ставит здесь задачу полной регистрации курганов России силами общественности и пытается внушить обществу, что курганы могут раскапывать только специалисты, грабительские же раскопки должны быть прекращены. Такого рода высказывания мы найдем и у ряда других авторов начала XIX в. Выше мы говорили о предложениях об охране памятников, сделанных И. А. Стемковским. Стоит отметить записку, поданную в 1843 г. министру внутренних дел Перовскому неперменным секретарем Академии наук математиком Павлом Николаевичем Фуссом (1797—1858). В записке идет речь о необходимости охраны каменных баб на курганах в южнорусских степях, и содержится предложение накладывать штраф в 100 рублей серебром за уничтожение древних изваяний. Характерно, что Перовский, послав запрос по губерниям о том, где сохранились каменные бабы, о штрафе за их разрушение не упоминает³.

То, что последовало за этим запросом, обрисует нам достаточно ясно состояние охраны памятников в России. Местные чиновники кое-где специально уничтожили каменных баб, дабы ответить в Петербург, что «таковых в подведомственной губернии не имеется». Другие деятели провинциальной администрации прислали ответы побоятельней. «В селениях Мариупольского округа...» — доносил Таганрогский губернатор, — находились во многом количестве на могилах или курганах каменные изваяния... во время же проезда по полуденной России в 1818 г. блаженной памяти императора Александра I все мамай

² П. К е п п е н. Список известнейшим курганам в России. СПб., 1837 (отд. оттиск из «Северной пчелы», № 1—3), стр. 33, 34.

³ Н. И. В е с е л о в с к и й. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах». ЗООИД, т. XXXII, 1915, стр. 418, 419.

были сняты с курганов и отвезены на почтовую дорогу..., где расставлены вместо дорожных знаков, а когда устроены по большой дороге кирпичные знаки, то мамаи зарыты в землю. При селениях Малом Янисоли и Новой Каракубе тоже находились в большом количестве каменные бабы, но в первом из этих селений в 1779, а в последнем — в 1808 годах все свезены в те селения на фундамент под церкви. В селении Большом Янисоли также имелись на курганах в степи каменные бабы, но при постройке поселянами домов оные свезены, и часть употреблена на фундаменты, а часть отправлена помещиками в свои имения»⁴.

Так охранялись памятники в России в первой половине XIX в. Мало улучшений увидим мы и позднее, несмотря на призывы Стемпковского, Кепшена и Фусса. Не только местное чиновничество, но и верховная власть не понимали необходимости организации охраны памятников. Насколько Россия отставала от Запада в деле государственной охраны памятников, показывает хотя бы то, что закон, по которому раскопки становились исключительным правом Археологической комиссии, появился лишь через 52 года после статьи Кепшена — только в 1889 г. До этого в Российском законодательстве не было ни одного постановления, запрещающего грабительские раскопки, если не считать сибирского указа 1727 г., грозившего батогами бугровщикам, отправлявшимся в Киргизскую степь. Это запрещение раскопок курганов было вызвано, однако, отнюдь не заботой об археологических памятниках, а тем, что кочевники часто угоняли лошадей бугровщиков, а то и их самих забирали в плен⁵.

И так как самовольные раскопки в России не были запрещены, в течение всего XIX в. курганы и городища повсеместно разрушались кладочискателями или просто любопытствующими. В конце XIX и в начале XX в. предпринимались попытки выработать положение об охране памятников, но эти попытки так и не были доведены до конца. Первое развернутое государственное законоположение об охране исторических памятников появилось только в годы советской власти.

⁴ Н. И. Веселовский. Указ. соч., стр. 420.

⁵ ПСЗ (1 собр.), т. XVI, № 12499.

То, что царская Россия отстала от Запада в организации охраны археологических памятников, не случайно. Охрана археологических объектов — это только часть одного большого дела — охраны памятников прошлого вообще, среди которых первое место принадлежит памятникам архитектуры. Охрана памятников архитектурных не отделима от охраны памятников и археологических. До тех пор, пока на Западе господствовало убеждение, что только античная архитектура представляет собой настоящее искусство, а готика и романский стиль — варварские произведения, шокирующие истинно возвышенный вкус, не было и речи об охране памятников во Франции, Германии и Англии. Только после того, как высказывания Гете и в первую очередь увлечение средневековым искусством писателей и художников романтизма (1831 г. — «Собор Парижской Богоматери» Гюго) привлекли внимание общества к памятникам национальной архитектуры средневековья, появились Комитеты охраны памятников, и как археологические, так и архитектурные объекты стали регистрироваться и охраняться.

Совершенно то же наблюдается и в России, только здесь понимание ценности национальной русской архитектуры пришло еще позднее, чем на Западе. Трудно поверить, что замечательные памятники архитектуры и живописи Киевской, Новгородской и Московской Руси, которые знает сейчас каждый культурный человек, в первой половине XIX в. казались всем абсолютно неинтересными.

В 1817 г. Карамзин написал «Записки о Московских достопамятностях». В них рассказывается, когда были построены Кремль и некоторые московские церкви и здания. В «Записках» говорится о Коломенском, но церковь Вознесения, ныне всемирно известная, даже не названа. О храме Василия Блаженного сказано лишь два слова — «готическая церковь». О многих же интереснейших средневековых памятниках Карамзин совершенно спокойно говорит, что они года два-три назад «разобраны за ветхостью»⁶.

⁶ Н. М. Карамзин. Соч., т. 9. СПб., 1835, стр. 245—266.

В 1826 г. издана статья В. И. Григоровича «О состоянии художеств в России». Это одна из самых ранних работ по истории русского искусства — первая ценная сводка о наших художниках XVIII в. Но вот что пишет Григорович о более раннем периоде: «Пусть охотники до старины соглашаются с похвалами, приписываемыми каким-то Рублевым... и прочим живописцам, жившим гораздо прежде царствия Петра: я сим похвалам мало доверяю... Художества водворены в России Петром Великим»⁷.

Если такие ошибочные взгляды высказывали историки и искусствоведы, то не удивительно, что даже крупнейшие деятели русской литературы оказались не свободными от тех же заблуждений. «Хотя Новгород и древний город, — пишет Белинский в 1845 г., — но от древнего в нем остался только Кремль, весьма невзрачного вида, с Софийским собором, примечательным своею древностью, но ни огромностью, ни изяществом»⁸. На Пушкина, по-видимому, не произвела особого впечатления архитектура Новгорода, Пскова, Владимира, где он бывал. Во всяком случае, никаких высказываний о ней мы не найдем в его письмах, записях и произведениях, хотя, скажем, в стихах Пушкина трижды мелькает имя весьма заурядного итальянского художника Альбани.

В свете этого не удивительно, что до середины XIX в. проблема охраны русских архитектурных памятников даже не стояла. Подлинным искусством считались только здания в стиле классицизма и ампира, но они были слишком близкими по времени, слишком еще «живыми» постройками, чтобы можно было говорить о них как о памятниках, требующих охраны. Поэтому в начале XIX в. первые попытки сохранить остатки древности были сделаны не в отношении русской архитектуры, а в отношении памятников Крыма. Ценность памятников античной культуры и необходимость их сохранения бы-

⁷ В... [В. И. Григорович]. О состоянии художеств в России. «Северные цветы на 1826 год, собранные бароном Дельвигом». СПб., 1826, стр. 9, 11.

⁸ В. Г. Белинский. Петербург и Москва. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1955, стр. 390.

ли для русского общества первой половины XIX в. наиболее бесспорными.

Еще в 1805 г. Александром I было отдано распоряжение «об ограждении от разрушения» памятников древности в Крыму⁹, но это распоряжение, сформулированное слишком общо, не дало результатов. Путешествуя по Крыму в 1819 г., драматург и поэт Василий Васильевич Капнист (1758—1823), автор знаменитой «Ябеды», повсеместно увидел разрушение остатков старины и взволнованно написал об этом министру народного просвещения А. Н. Голицыну¹⁰. Капнист предлагал организовать постоянный надзор за ломкой камня для построек и принять меры к тому, чтобы все случайные находки древностей сдавались правительству. Письма Капниста возымели действие. В 1821 г. академик Г. Кёлер (1765—1838) и архитектор Паскаль были посланы для осмотра остатков древности в Крыму. Вернувшись, они подали правительству записку, где памятники Крыма делились на две группы. В первую входили те памятники, которые нуждались в реставрации, после чего они имели бы

⁹ Ю. Кулаковскій. Прошлое Тавриды. Киев, 1914, стр. 141.

¹⁰ О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания оных. ЗООИД, т. VIII, 1872, стр. 363—403.

Интерес Капниста к археологическим памятникам Крыма был вызван его занятиями исторической географией и древней историей Причерноморья. Страстный поклонник античности, «русский Гораций», как его называли, Капнист последние годы своей жизни пытался найти какие-либо сведения о древнейшем населении и о древнейшей литературе России в греческих источниках. Предвосхищая мнение К. М. Бэра, Капнист доказывал, что Одиссей странствовал по Черному морю (Мнение, что Улисс странствовал не в Средиземном, но в Черном и в Азовском морях. «Сын отечества», ч. 56, № XXXVIII. СПб., 1819, стр. 193—213). Особую статью Капнист посвятил мифическим гиперборейцам, утверждая, что это предки русских, в глубокой древности имевшие независимую от греков изящную словесность (Краткое изыскание о гипербореанах и о коренном российском стихосложении. «Чтение в беседе любителей русского слова», чтение осьмнатцатое. СПб., 1815, стр. 3—41). В связи с этими разысканиями Капнист и ездил в Крым, а позднее послал туда своего сына. Статьи Капниста справедливо считались дилетантскими уже его современниками и даже им самим. Но для нас интересно, что первыми попытками к охране памятников Крыма мы обязаны трудам видного русского писателя, преследовавшего цели не столько исторические, сколько литературные.

тот же вид, что и до разрушения. Таковы, по мнению Кёлера, укрепления Мангуп-кале, Балаклавы, мечеть в Евпатории и т. д. Ко второй группе отнесены развалины, по которым реставрировать постройки уже невозможно, но которые требуют консервации, после чего они «могут существовать целые веки». Это развалины античных зданий и гробниц около Керчи, Херсонес. Министерство внутренних дел, рассматривавшее заключение Кёлера, вынесло весьма показательное для той поры решение, что охранять надлежит только греческие и генуэзские памятники, а не татарские, турецкие или какие-либо другие. На консервацию греческих древностей Крыма особым указом было выделено 10 000 рублей ¹¹.

Таким образом, распоряжения об охране памятников в России в XVIII в. касались памятников восточной архитектуры (Болгар), в начале XIX в. — античных и средневековых памятников Крыма. С середины XIX в. положение несколько меняется. С одной стороны, в русском обществе усилился интерес к отечественной истории, нашедший отражение в сочинениях славянофилов и близких к ним литераторов. В 1849 г. появляется первая работа о русской иконописи И. П. Сахарова ¹². В 1846—1859 гг. И. М. Снегирев издает альбомы «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества» ¹³. С другой стороны, правительство пыталось оторвать русскую культуру от западных традиций (античность — ренессанс — барокко — классицизм — ампир) и переориентировать ее на византийский путь развития искусства. Так, 23 марта 1841 г. был опубликован специальный указ, предписывавший архитекторам при постройке церквей придерживаться «вида древнего византийского зодчества» ¹⁴.

Как идущий снизу интерес к русской старине, так и тенденция верхов к консервации форм византийского

¹¹ ПСЗ (1 собр.), т. XXXVIII, № 29105.

¹² И. П. Сахаров. Исследования о русском иконописании. СПб., 1849.

¹³ И. Снегирев и А. Мартынов. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества, тетради 1—18, 1846—1859.

¹⁴ ПСЗ (2 собр.), т. XVI, № 14392.

зодчества в современном русском искусстве привели к мысли о необходимости охраны памятников русской архитектуры. Это находит отражение в двух указах 1840-х годов. 12 декабря 1843 г. Синод запретил записывать при реставрации церквей древние фрески¹⁵, а 14 февраля 1848 г. после сообщения о разрушениях кремля в Коломне появился указ «о наблюдении за сохранением памятников древности», касающийся уже Средней России с ее остатками памятников древней Руси¹⁶.

Эти начинания получили, однако, очень слабое развитие в дальнейшем, хотя важность охраны памятников все более и более сознавалась обществом. В 1869 г. на I археологическом съезде обсуждалась проблема сохранения памятников старины в России. В 1870 г. Московское археологическое общество создало комиссию по охране древних памятников. На археологических съездах и в комиссии были подготовлены проекты закона об охране.

В связи с этим в 1876 г. при Министерстве просвещения была организована правительственная комиссия с типично бюрократическим названием «Комиссия для обдумывания предложений о мерах к охране на будущее время существующих памятников».

В проектах съездов, Московского общества и министерской комиссии делались попытки перенести в условия России законодательство об охране памятников, существовавшее к тому времени на Западе. Предполагалось, в частности, учредить центральную комиссию по охране и археологические округа для надзора на местах. Работа «Комиссии для обдумывания» кончилась, однако, ничем. Министр финансов решительно заявил, что денег на создание постоянной комиссии по охране памятников нет и не будет, и принятие закона об охране было «отложено до более благоприятного времени»¹⁷.

¹⁵ ПСЗ (2 собр.), прибавление к т. XVII, № 16205.

¹⁶ ПСЗ (2 собр.), т. XXIII, № 24992.

¹⁷ А. М. Разгон. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861—1917). «Труды Научно-исследовательского института музееведения», вып. I. М., 1957, стр. 114—117.

После указа 1848 г. только через 40—45 лет последовали новые распоряжения, остававшиеся единственными законами об охране памятников вплоть до самой революции. 11 марта 1889 г. Археологической комиссии (созданной еще в 1859 г.) было дано исключительное право на разрешение и организацию раскопок в России. Комиссии же был поручен надзор за всеми реставрационными работами в церквях¹⁸. В 1893 г. надзор за памятниками архитектуры и их реставрацией был поручен также и Академии художеств¹⁹.

Значение этих указов было очень ограниченным. Множество архитектурных памятников оставалось в ведении церкви, и в десятках случаев духовенство проводило «реставрацию» зданий, не уведомляя Археологическую комиссию. Древние формы храмов искажались, фрески записывались и соскабливались. Неоднократные повторения Синодом указа, запрещавшего самовольные реставрации, говорят сами за себя. Каждый раз эти повторения вызывались какими-либо новыми фактами вандализма (например, в 1877 г. уничтожением фресок и искажением архитектурных форм едва ли не самого замечательного памятника XII в. — церкви Покрова на Нерли)²⁰.

Даже реставрации церквей с участием специалистов были далеки от требований науки. Духовенство хотело, чтобы верующие видели в храмах не фрагменты фресок, пусть даже очень древних, а законченные композиции, хотя бы современной ремесленной работы. В этом направлении на специалистов оказывалось давление, и каких-нибудь 65 лет назад, в 1893—1895 гг., при реставрации памятника первостепенного значения — Софии Новгородской — В. В. Суслов шел на уничтожение фрагментов фресок XII в. и замену их мазней иконописной артели подрядчика Сафонова²¹. Таким же образом в

¹⁸ ПСЗ (3 собр.), т. IX, ст. 5841.

¹⁹ ПСЗ (3 собр.), т. XIII, ст. 9982.

²⁰ А. Г а в р и л о в. Постановления и распоряжения Святейшего Синода о сохранении и изучении памятников древности. «Вестник археологии и истории», т. VI. СПб., 1886, стр. 58.

²¹ А. Л. М о н г а й т. Археологические раскопки 1945 г. в Софийском соборе в Новгороде. «Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР», вып. 7. М., 1947.

1894 г. лишился фресок XII в. и Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском.

С памятниками археологии дело обстояло немногим лучше. Закон 11 марта касался только государственных и крестьянских земель. Судьба памятников, находившихся на помещичьих землях, зависела целиком от произвола их владельцев. Курганы и городища не были учтены. Не существовало государственного списка памятников, нигде не было четко сформулировано, какие памятники подлежат охране, что считать памятниками и т. д.

Таким образом, законы 1889 и 1893 гг. ни в коей мере не решали проблему охраны древностей России, как не решали ее и предшествующие распоряжения. Все дореволюционные постановления об охране памятников вызваны какими-то случайными обстоятельствами и характеризуются крайней неопределенностью формулировок. Указ 1822 г. сводился к единовременному выделению средств на реставрацию нескольких архитектурных объектов в Крыму. О дальнейших мерах для охраны древностей Крыма в указе нет и речи. В указе 1848 г., вызванном разрушением кремля в Коломне, сделана попытка дать какие-то общие установки на будущее, но они исключительно расплывчаты: «воспретить разрушение памятников древности и непременно блюсти за их сохранением»²². Что считать памятниками древности, какие категории из них имеются в виду, как надо сохранять древности — все это остается неразъясненным. Неудивительно, что тот же самый Коломенский кремль, о котором шла речь в указе 1848 г., спокойнейшим образом продолжали разрушать и после указа. Так, в 1880-х годах, по решению коломенских купцов, Свиблова башня кремля была разобрана на кирпич для постройки лабазов²³.

Теми же недостатками страдают и указы 1889 и 1893 гг. И здесь задача охраны памятников не конкретизирована и не подкреплена созданием системы охраны, не введена и юридическая санкция за разрушение памятников.

²² ПСЗ (2 собр.), т. XXIII, № 21992.

²³ Т. Сергеева-Козина. Коломенский кремль. «Архитектурное наследство», т. 2. М., 1952, стр. 133.

Без развернутого законодательства, без правомочного центрального органа охраны и надзора на местах все распоряжения не были действенными. Это постепенно все яснее и яснее сознавалось русскими учеными и всей общественностью.

В начале XX в. вопрос об охране памятников был поставлен в нашей литературе особенно серьезно. К этому периоду русская культура нового времени прошла уже большой исторический путь и достигла вершин и в литературе, и в театре, и в музыке, и в изобразительном искусстве. Естественно, что именно тогда проблема культурного наследия должна была встать во всей ее полноте. В начале XIX в. когда русская культура ощущала себя еще молодой, как бы недавно возникшей, эта проблема, видимо, еще не созрела. С другой стороны, в начале XX в. самые широкие масштабы приняло явление, которое в XIX в. только зарождалось. Старые дворянские гнезда пошли на слом, лопахины скупали имения и вырубали «вишневые сады». Русская дворянская культура XVIII—XIX вв. явно приходила к концу. В этот-то период исчезновения усадеб впервые беспокойство за судьбы культурных ценностей охватило не одних специалистов, но и все культурное общество.

С 1907 г. стал выходить журнал «Старые годы», где заметное место занимал раздел «Летопись вандализма», отмечавший разрушение памятников архитектуры. Многочисленные искусствоведческие публикации в этом журнале впервые ввели в научный оборот ряд замечательных памятников русского искусства. С организованной Дягилевым «выставки исторических портретов», собранных из десятков усадеб (1905), «начинается, — по словам академика И. Э. Грабаря, — новая эра изучения русского и европейского искусства... вместо смутных сведений и непроверенных данных здесь впервые на гигантском материале, собранном со всех концов России, удалось установить новые факты, новые истоки, новые взаимоотношения и взаимовлияния в истории искусства»²⁴.

В те же годы впервые отмечается интерес к научному собиранию и изучению памятников древнерусской ико-

²⁴ И. Э. Грабарь. Моя жизнь. М.—Л., 1937, стр. 156.

нописи. Еще в 1902 г. Остроухов, удивлялся, зачем В. М. Васнецов собирает иконы. Лет через десять Остроухов сам начал их собирать, и именно его собрание положило начало широкому собирательству икон в Москве и в других городах страны²⁵. В годы, когда Васнецовы, Нестеров, Рерих обращались к древнерусскому искусству, как к живительному источнику, когда мотивы древней Руси зазвучали в операх Римского-Корсакова, коренным образом изменилось отношение к памятникам Киевского, Новгородского, Московского искусства. До начала XX в. памятники древнерусского зодчества были известны только узкому кругу специалистов, которые оставили немало полезных описаний, но не смогли показать эстетическую и художественную ценность искусства древней Руси. Заслуга эта принадлежит целиком XX веку и в первую очередь Игорю Эммануиловичу Грабарю (1871—1960). В монументальной «Истории Русского искусства»²⁶ он с изумительным знанием материала и талантом тонко чувствующего художественного критика сумел передать читателю свою увлеченность нашей древней архитектурой. Интерес к ней, возбужденный работами Грабаря, оказался столь большим, что вслед затем появилась многочисленная популярная литература (например, серия «Культурные сокровища России»).

Влияние новой школы исследователей русского искусства отразилось и на современном архитектурном творчестве. В ряде работ замечательного русского архитектора А. В. Щусева были уловлены те черты древнерусского зодчества, которые составляют неповторимую прелесть Новгородской и Псковской архитектуры (собор в Почаеве, обитель в Овруче, церковь Покрова Марфо-Марьиной общины в Москве на Ордынке). Случилось то, о чем писал в свое время Г. Д. Филимонов: древнерусский стиль возродился не в результате царских указов о постройке «византийских храмов», не в казенных творениях Тона, а в результате глубокого любовного изучения старой русской архитектуры и постижения самого ее духа.

²⁵ Там же, стр. 254.

²⁶ Игорь Г р а б а р ь. История русского искусства, т. I. Допетровская эпоха. М., 1909.

Так к началу XX в. было впервые понято значение русского искусства во всем его объеме, и создалась благоприятная обстановка для организации дела охраны памятников в России. В 1910 г. возникает «Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины». Проблему охраны памятников обсуждают Всероссийский съезд художников в 1912 г., III Всероссийский съезд зодчих в 1914 г. Но царское правительство и в этой обстановке не приняло должных мер. Под давлением общества при Министерстве внутренних дел в 1904 г. была создана «Комиссия по пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников». Предложения эта комиссия выработала только в 1910 г., но ни в 1911 г., ни позднее Государственная Дума так и не приняла закона об охране памятников в России. Непреодолимым препятствием было, как и раньше, право частной собственности. Синод и в 1876 г., и в период работы комиссии 1904 года, заявлял, что древние храмы должны остаться в безраздельном ведении церкви, которая вольна поступать с ними, как найдет нужным. Десятки представителей буржуазии писали, что древности, находящиеся в частных собраниях и на землях владельцев, должны быть изъяты из действия закона ²⁷. В этих условиях ни о какой настоящей охране речи быть не могло. Только Октябрьская революция, ликвидировав частную собственность, открыла возможности для создания государственного законодательства об охране памятников прошлого.

Таким образом, мы можем констатировать, что в деле охраны археологических памятников Россия отставала от Запада больше, чем в какой-либо области археологии. Долгие годы важность этого дела понималась лишь отдельными просвещенными людьми (Петр I, Капнист, Кеппен). Только к началу XX в. культурное общество полностью осознало значение охраны памятников архитектуры и археологии. Но царское правительство даже в эти годы не смогло и не захотело принять действенных мер.

²⁷ А. М. Разгон. Указ. соч., стр. 117—129.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй половине XIX в. археология в России окончательно сложилась как самостоятельная область знания со своими особыми методами и задачами. К этому времени определились и четыре основных раздела археологии. В дальнейшем мы можем наблюдать развитие этих разделов — первобытной, античной, восточной и славяно-русской археологии — и развитие идей и методов, возникших у нас в течение XIX века. Октябрьская революция была очень важным рубежом и в истории археологической науки. Сейчас мы можем подвести итоги более чем сорокалетней работы советских археологов. При этом мы ясно видим не только качественное отличие, но и преемственность советской археологии от русской археологии XIX в. Заканчивая наш очерк, посвященный возникновению археологии в России, попытаемся проследить некоторые главные линии в истории русской археологии.

Мы видели, что еще в древней Руси археологические памятники обращали на себя внимание, и появлялись различные легенды и исторические предания, объяснявшие происхождение этих памятников. Не ученые XVIII—XIX вв. открыли курганы и городища России, — народ знал о них искони. Но об археологии в полном смысле этого слова до XVIII в. говорить не приходится. Только после петровских указов можно отметить решающее явление — археологические памятники впервые начали сознательно сохранять, описывать и зарисовывать. До этого древности упоминались в русской литературе редко, и то или как ориентиры, или как нечто, вызываю-

щее простое любопытство. Сохранение древностей отмечается еще реже и только в тех случаях, когда речь идет о вещах конкретных почитаемых исторических деятелей (собрание Оружейной палаты), о древностях, получивших культовый характер (посох и облачение епископа Никиты (XII в.) в Новгородской Софии, меч Довмонта в соборе Пскова), или о произведениях искусства (использование античных гемм как печатей, сохранение Головиным сосуда с изображением из могилы на Иртыше).

В XVIII в. древности уже специально разыскивают, сохраняют и описывают. Курганы копают не в поисках кладов, а для того, чтобы изучить устройство древних могил. Отношение к древностям изменилось коренным образом, и с начала XVIII в. мы уже вправе говорить о развитии русской археологии. И появление и развитие ее неотделимы от сложения и судеб культуры новой России, культуры XVIII—XIX вв. Связь с исторической наукой возникает позднее. Историческая наука существовала на Руси и до XVIII в.: летописи — это не бесстрастные записи, а продуманный труд средневековых историков. Но археологии даже в самых примитивных формах в средневековой Руси не было. И в XVIII в. археология еще в очень малой степени соприкасается с историей. Археологический материал был, скорее, одним из объектов землеописания, который ученые должны были регистрировать при своих путешествиях. Все остальное пришло позднее. Но дальнейшие успехи археологии обеспечило именно то, что культурное общество России XVIII века задумалось о сборе, регистрации, описании древностей, о проблеме охраны памятников.

Новым важным этапом в истории русской археологии является первая половина XIX в. Исследование античных памятников в Причерноморье поклонниками греческого искусства и литературы, первые попытки отыскать вещественные памятники древних славян, предпринятые в период подъема русского национального самосознания, и первые раскопки на Востоке помогают по-новому взглянуть на задачи археологии. В начале XIX в. намечается и несколько разделов археологии — славяно-русская, античная, восточная археология — и дается ряд четких формулировок задач археологии.

Стемпковский формулирует эти задачи в плане эстетическом, считая, что соприкосновение с миром древности — это высокое наслаждение для просвещенного человека. Оленин подчеркивает прикладные задачи археологии, как науки, знакомящей художников со всеми особенностями древнего быта. Ходаковский рассматривает археологию как историческую науку, способную обогатить историю новыми интересными источниками. Наконец, Стурдза видит в археологии «поддержку религии и нравственности», т. е. говорит о чисто политическом реакционном использовании археологии. Наряду с этими теоретическими поисками в области археологии, в первой половине XIX в. проводились первые тщательные полевые исследования — Стемпковского, уделившего много внимания графической документации, Ходаковского с подробными описаниями раскопок и др. Все это свидетельствует о значительном шаге, сделанном в эту эпоху в развитии русской археологии. Необходимо, однако, отметить разобщенность отдельных областей археологии в первой половине XIX в., у нас, правда, меньшую, чем на Западе, но все же достаточно выраженную.

В третьей четверти XIX в. появляется четвертый раздел — первобытная археология, причем складывается он в отрыве и от славянской, и от античной археологии, в среде биологов, считавших, что у первобытной археологии совершенно иные, естественноведческие задачи. В этот же период начинает широко обсуждаться проблема охраны исторических памятников, составляющая особую отрасль археологии. Наконец, по отношению ко второй половине XIX в. впервые можно говорить о сближении разных областей археологии в одну науку. Этому очень способствовали археологические общества, археологические съезды, создание Исторического музея.

Многообразие в понимании задач археологии, существовавшее в начале XIX в., постепенно сгладилось, хотя и сейчас легко заметить, что людей влекут к археологии разные интересы, что к археологии можно прийти разными путями.

Это, во-первых, любопытство, так сказать, в чистом виде, любопытство, которое привлекало внимание к археологическим памятникам уже тысячу лет назад.

И сейчас многие интересуются археологией не потому, что им хочется больше узнать о прошлом, а только потому, что интересно — что же находят при раскопках курганов. Нечего греха таить, многие студенты становятся археологами-профессионалами только потому, что на первом курсе их влечет романтика археологии — можно летом уехать куда-то далеко, копать таинственные курганы или развалины погибших городов и найти что-то совершенно неожиданное.

Другой путь, который приводит многих людей к занятиям древностями, — путь эстетический. Восхищение искусством древности побуждает изучать все следы прошлого, пытаться найти новые произведения искусства, понять обстановку, в которой они появились. Вспомним цитированные во введении слова Рериха, говорившего, что он занялся археологией в поисках «изначальной красоты», истоков искусства. Этот путь, конечно, более молодой, чем простое любопытство, но все же и в России он наметился очень давно.

В ту эпоху, когда люди Ренессанса впервые начали коллекционировать памятники античности, на русских грамотах появляются печати с оттисками античных гемм. Леда и лебедь изображены на печати князя Ивана Андреевича Булгакова (грамота 1562 г.), античные геммы оттиснуты на еще более ранних грамотах князя Андрея Васильевича (1484), князя Владимира Ивановича (1507) и т. д.¹ Видимо, эти геммы пришли к нам из Европы эпохи Возрождения, и русские люди с любовью сохраняли миниатюрные памятники древнего языческого искусства.

Так зарождались первые собрания древностей, а через два столетия такие собрания разрастались уже в музеи, коллекции которых и сейчас сохраняют научное значение. Собрание античных гемм Екатерины II насчитывает 10 тысяч камней, что составляет примерно 62% от всей коллекции гемм Эрмитажа. Анализ этой коллекции, проведенный М. И. Максимовой, показывает, что, собирая геммы, императрица не преследовала научных целей; единственным критерием был ее

¹ А. А. Семенов. Нечто о среднеазиатских геммах, их любителях и собирателях. «Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР», вып. 14. Сталинабад, 1957, стр. 143, 144.

вкус. «Одному богу известно сколько радости дается ежедневным общением со всем этим», — писала Екатерина².

То же увлечение античным искусством вдохновляло впоследствии Сумарокова и Муравьева-Апостола при их исследованиях в Причерноморье и послужило толчком к плодотворной деятельности Стенбокского.

Сейчас мы понимаем, что задачи археологии не в отыскании произведений древнего искусства, но несомненно, что любовь к искусству прошлого и сейчас привлекает людей к археологии.

Уже в конце XVI в. мы отметили первое в истории России использование археологии в политических целях (споры с Данией о Лапландии). В дальнейшем мы не раз встречались с этим. Формулировка задач археологии, данная Стурдзой, характерна для николаевской эпохи, когда в археологии видели благонамеренную науку, поддерживающую самодержавный строй. Характеристика реакционной группы археологов, принадлежащая каракозовцу Худякову, относится уже к эпохе Александра II. А вот и еще более свежая цитата — отрывок из письма украинского писателя-демократа М. М. Коцюбинского, делившегося с В. Гнатюком впечатлениями от Черниговского археологического съезда 1908 г.: «Добре, що Ви не були свідком усього того свинства, усього того брудного патріотичного шумування, яке замість науки викинув з себе той на половину хулиганський з'їзд. Попросту було гадко, противно і для людини хоч трохи етично розвиненої несмачно»³. Что имеет в виду Коцюбинский? Несомненно избрание почетным гостем съезда одного из организаторов Союза русского народа Анатолия Савенко, монархические манифестации археологов, возмущавшихся тем, что революция 1905 г. задержала созыв очередного съезда⁴. Политическая реакционность значительной части ста-

² М. И. Максимова. Императрица Екатерина II и собрание резных камней Эрмитажа. «Сборник Государственного Эрмитажа», вып. I. Пг., 1920, стр. 59.

³ М. Коцюбинський. Твори, т. VIII. Харьків — Київ, 1936, стр. 69.

⁴ Тр. XIV АС, т. III. М., 1911 (протоколы), стр. 47.

рых русских археологов — факт, на который не приходится закрывать глаза.

Мы пытались показать и другую группу археологов, примыкающую к демократическому крылу русской интеллигенции. Таков Ходаковский, в какой-то мере связанный с декабристами, таковы польский революционер Черский, Поляков, Мережковский, Волков, в той или иной степени причастные к демократическому движению 1870—1880-х годов.

Если знаменем реакционной группы археологов было понимание задач этой науки, сформулированное в свое время Стурдзой, то ученые из демократического лагеря 60-х годов развивали биологическое направление археологии. Сейчас нам уже не легко понять, каким вызовом реакции было это направление. Теперь всем ясно, что первобытная археология тесно связана с четвертичной геологией, палеонтологией и антропологией. Но в те годы, когда только поднимался вопрос о каменном веке, о человеке, сохранявшем в своем строении животные черты, о человеке, жившем сотни тысяч лет назад в глубокой геологической древности — это был вызов церкви, всей официальной идеологии царской России.

Существует любопытная книжка А. Беляева «Характеристика археологии» (Харьков, 1890). Автор ее Александр Дмитриевич Беляев — профессор Московской Духовной академии, преподававший там догматическое богословие. Его докторская диссертация называлась «О безбожии и антихристе. Подготовка, признаки и время пришествия антихриста». Беляеву принадлежат книги «О покое воскресного дня», «Любовь божественная» и разбор представлений Льва Толстого о христианстве. Зачем же Беляеву понадобилась еще и археология? Просмотрим книгу, и мы это поймем. Беляев в очень осторожной форме, в очень наукообразном изложении борется с археологами, занимающимися каменным веком. Он внимательно изучил и Буше де Перта, и Мортилье, и Уварова, чтобы доказать, что каменного века, как такового, никогда не было, что нельзя говорить о глубокой древности человека. Каменные орудия, пишет Беляев, употреблялись и в недавние исторические эпохи, о чем говорит этнография. В древние отложения

эти орудия могли попасть случайно — по трещинам в земле. Никаких точных дат у археологов-первобытников нет. Становится понятным, почему заинтересовался археологией профессор Духовной академии, почему он читал Мортилье. Богослов Беляев должен был бороться с археологами-первобытниками, чтобы защитить догматическое богословие.

Как мы видим, подобно всем гуманитарным наукам, археологию использовали в своих интересах и реакционный и прогрессивный лагеря.

Характеризуя биологическое направление первобытной археологии, мы можем сказать, что в свое время оно сыграло большую роль в борьбе с клерикализмом. Но позднее, когда существование каменного века перестало быть предметом спора, оказалась важнее связь первобытной археологии с историей. Человеческое общество, даже самое примитивное, должно изучаться историками, а не биологами.

Еще одно направление археологии прикладное, задачи которого формулировал Оленин. Первая половина XIX в. была переломным моментом в исторической живописи, потому что тогда художники впервые начали заботиться об историческом правдоподобии всего фона картины, всех изображенных на ней аксессуаров. Известный русский художник Ф. П. Толстой писал, что до начала XIX в. античность передавалась в русском искусстве совершенно неграмотно⁵. Только с этого времени художники обратились к подлинному материалу — к античным барельефам, скульптурам, вазам. Сам Толстой много рисовал с античных древностей, читал все, что появлялось о древнем быте, и с гордостью писал о себе: «Я первый стал лепить из воска большие барельефы из истории древней, русской и всемирной, употребляя самые верные костюмы... так как я изучил археологию»⁶. Современный археолог найдет ошибки и на барельефах Толстого, но, несомненно, им был сделан большой шаг к освоению археологических данных как материала для художника, работающего над историческими темами.

⁵ Записки графа Ф. П. Толстого. РС, 1873, № 2, стр. 139.

⁶ Там же, № 1, стр. 49.

Александр Иванов также сознавал, что в XIX в. художники должны писать картины, отражающие «эпохи из всемирной и отечественной истории, исполненные со всеми точностями антикварными, столь нужными в настоящем веке», что публика теперь хочет «видеть живого воскресения древнего мира, со всеми доказательствами последних результатов учености»⁷. По словам Иванова, вернувшись в Россию после длительного отсутствия, он убедился, что требования публики ушли вперед именно в этом отношении.

Сейчас каждый художник, берущийся за исторический сюжет, считает своим долгом ознакомиться с бытом интересующей его эпохи. Ознакомиться с ним стало, конечно, гораздо легче, чем во времена Ф. Толстого и А. Иванова. За 100 лет археологи добыли и систематически описали колоссальный материал, и им пользуются не только художники, но и деятели театра и кино. Так, уже упоминавшийся нами археолог В. И. Сизов консультировал многие спектакли Большого и Малого театра, знаток Эгейского мира Б. Л. Богаевский помогал Мейерхольду при постановке «Электрик»⁸, а А. В. Арциховский был консультантом кинофильма Эйзенштейна «Александр Невский». Однако вряд ли надо доказывать, что задачи археологии состоят не в этой помощи деятелям искусства.

Наконец, последнее направление археологии — историческое. Это всеобъемлющее направление, которое объединяет сейчас отдельные разделы нашей науки. То, что древности — важный исторический источник, понимал еще Татищев. Ходаковский впервые попытался показать это широко. Во второй половине XIX в. уже многие ведущие археологи России строят свои работы как исторические исследования. Выше уже говорилось, что Уваров придал историческую направленность первобытной археологии.

Иван Егорович Забелин (1820—1908), исследовавший ряд интереснейших скифских и античных памятников (Чертомлыцкий курган, Большая Близница на Та-

⁷ Александр Андреевич Иванов, его жизнь и переписка. СПб., 1880, стр. 106, 299.

⁸ Н. Д. Волков. Мейерхольд, т. II. М.—Л., 1929, стр. 269.

мани, раскопки Ольвии), был в основном историком. В книге «История русской жизни» он много страниц посвятил скифской эпохе, привлекая материалы своих раскопок наравне с письменными источниками⁹.

Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843—1911) в своей классификации древностей охватил все археологические памятники — от палеолитических стоянок до позднесредневековых курганов. Античные памятники нашли место в той же классификации¹⁰. Ряд исследований Самоквасова, в особенности «Северянская земля по городищам и могилам», показывает, как этот ученый последовательно направлял свои раскопки на решение исторических проблем. Он определил территорию северян по археологическим памятникам и впервые в нашей литературе исследовал городища как остатки поселений. Самоквасов развенчал еще державшуюся в его времена теорию Ходаковского о культовом назначении городищ и подошел к разработке проблемы древнерусского города¹¹.

Открыватель трипольской культуры и культуры полей погребений Викентий Вячеславович Хвойка (1850—1914) в книге «Древние обитатели Среднего Приднепровья» дал очерк истории Приднепровья от эпохи палеолита до времени Киевской Руси, основанный целиком на материалах раскопок¹².

Александр Андреевич Спицын (1858—1931), внесший колоссальный вклад в русскую археологию, был историком по образованию. Подводя итоги своих работ, он писал: «Если бы я не ушел в провинцию... из меня вышел бы не археолог, а историк по моей особой склонности к этой науке»¹³. Но и став археологом, Спицын не перестал быть историком. Такие его труды, как «Расселение древнерусских племен по археологическим дан-

⁹ И. Е. Забелин. История русской жизни, ч. I. М., 1876.

¹⁰ Основания хронологической классификации и каталог коллекции древностей Д. Я. Самоквасова. Варшава, 1892.

¹¹ Д. Я. Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908.

¹² В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.

¹³ А. А. Спицын. Мои научные работы. «Seminarium Kodakovianum», II. Prague, 1928, стр. 342.

ным»¹⁴, могут служить образцом археологического исследования, посвященного исторической теме. Анализ огромного археологического материала здесь неразрывно связан с анализом данных письменных источников. Спицыну принадлежит и ряд чисто исторических работ.

Историзм характерен и для лучших археологических исследований Василия Алексеевича Городцова (1860—1945). Назовем, в частности, его статьи по бронзовому веку Европейской России. После работ Городцова было получено представление не только о разных типах памятников эпохи бронзы в степях и в лесной зоне, но и о сложной этнической истории бронзового века. Городцов проследил проникновение в лесную полосу, в область пережиточно-неолитических стоянок, новых племен — культур фатьяновской и катакомбной, — и показал смену племен в степной полосе Украины¹⁵. Такой исторический подход к эпохе бронзы был прямым развитием взглядов Уварова, изложенных в его программной речи на III археологическом съезде.

Так в трудах ведущих русских археологов конца XIX — начала XX в. археологические памятники были поставлены на службу истории. Советские археологи, неизменно подчеркивающие исторический характер своей работы, могут во многом опираться на труды своих предшественников.

Со времени Октябрьской революции существовали уже все четыре основных раздела археологии. Но они развивались неравномерно. В Русском археологическом обществе были отделения классическое, восточное и славяно-русское, но отделения первобытной археологии не было. Правда, в «Записках отделения русской и славянской археологии» печатались статьи по неолиту и бронзовому веку, но исследования палеолита были в явном загоне. В сущности, после первых успехов на рубеже 1870—1880-х годов, после раскопок Мережковского и Полякова, в изучении палеолита

¹⁴ ЖМНП, 1899, № 8.

¹⁵ В. А. Г о р о д ц о в. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г. Тр. XII АС, т. I. М., 1905; его же. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. «Отчет Российского Исторического музея за 1914 год». М., 1915.

России настал период упадка, несомненно связанный с наступлением реакции на науку. Показательно, что раскопки палеолитических стоянок в Крыму были прекращены в 1881 г., т. е. в год убийства Александра II и начала победоносцевской реакции. Прерванные на втором полевом сезоне работы Мережковского в XX в. были настолько забыты, что в литературе появилось даже утверждение немецкого археолога Р. Шмидта об отсутствии палеолита в Крыму¹⁶.

В советское время в изучении каменного века произошел решительный перелом¹⁷. Уже в 1920-х годах было возобновлено исследование палеолитических стоянок, и вскоре молодая советская наука добилась выдающихся успехов. Г. А. Бонч-Осмоловский не только подтвердил существование палеолита в Крыму, но и обнаружил здесь в гроте Киик-Коба богатую раннепалеолитическую стоянку с погребением неандертальца. На Верхнем Дону раскопки С. Н. Замятина и П. П. Ефименко привели к открытию верхнепалеолитических жилищ и интереснейших памятников искусства. Так первые советские работы по палеолиту непосредственно продолжили исследования Мережковского и Полякова. В последующие годы изучены сотни новых стоянок всех этапов палеолита, начиная с шелля, открыты многослойные поселения, позволяющие проследить последовательность развития палеолитической культуры, найдено несколько палеолитических погребений. Исследования палеолита охватили всю территорию страны, включая Сибирь и Среднюю Азию.

Но еще более важным, чем эти полевые открытия, явилось сложение в СССР нового исторического направления исследований палеолита. Основной задачей раскопок стал не сбор кремневых орудий, а восстановление картины жизни древнего поселения. Советские архео-

¹⁶ См. об этом Г. А. Бонч-Осмоловский. Грот Киик-Коба. М.—Л., 1940. стр. 3, 4.

¹⁷ В нашу задачу не входит характеристика истории и проблематики советской археологической науки (отсылаем читателя к книге: А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955, где приводится и вся библиография). Мы останавливаемся здесь лишь на тех вопросах, которые связаны с рассмотренными выше отдельными сторонами дореволюционной русской археологии.

логи исследовали историю хозяйства палеолитической эпохи, этапы заселения территории СССР в каменном веке, взаимоотношения отдельных своеобразных групп памятников.

Биологическое направление изучения каменного века, еще существовавшее у нас в 20-е годы, на фоне успехов исторического направления, постепенно сошло на нет. И это понятно. В работах Б. С. Жукова — главы археологической школы Музея антропологии МГУ, можно увидеть вырождение биологического направления археологии. Археологические категории вещей приравниваются Жуковым к биологическим видам, и все исследование памятников сводится к прослеживанию «мутаций», «гибридизаций» и «расщеплений комплекса»¹⁸. Исследования, механически переносившие биологические закономерности на историю человеческого общества, орудий труда и культуры, оказались несостоятельными при сравнении с работами исторической школы. В трудах П. П. Ефименко и его учеников палеолитический материал анализировался методами марксистской исторической науки, и такой анализ открыл безграничные возможности для изучения самых разных сторон истории древнейшего человека. В 30-х годах даже ученики Б. С. Жукова отходят от методов, изложенных в его статьях по каменному веку, и придают своим работам историческое направление.

! Успехи этого направления несомненны, они признаны и зарубежной археологией, но следует сказать, что сосредоточив свое внимание только на исторических вопросах, советские исследователи палеолита перегнули палку. Сейчас стала ощущаться недостаточная естествоведческая подготовка у археологов-палеолитчиков, кончавших, как правило, исторические ВУЗы. Специалисту по палеолиту необходимо глубокое знание четвертичной геологии, которого многим из нас не хватает. Полный отказ от использования в исследованиях по каменному веку биологических методов анализа материала приводил подчас к тому, что из статей архео-

¹⁸ Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. «Этнография», 1929, № 1, стр. 66, 67.

логов вообще ушел метод. Биологические методы не заменились историческими, а уступили место простым впечатлениям от находок, иногда интересным, но достаточно субъективным. Эта слабая сторона наших работ обнаружилась особенно ясно, когда в 1940—1950-е годы ученые перешли от исследования проблем истории хозяйства и типов поселений палеолита к проблемам периодизации и стратиграфии каменного века.

Сейчас советская археология палеолита в известной мере перестраивается. Не отказываясь от проверенного временем главного исторического направления исследований, ряд ученых, изучающих палеолит, вплотную занялся и геологией. Это несомненно обеспечит нашей науке новые успехи.

Не меньший прогресс мы можем наблюдать в области восточной археологии. До революции эта область заметно отставала от археологии античной и славяно-русской. Из многочисленных городищ Средней Азии, на которые еще в 1819 г. обращал внимание Муравьев, были исследованы единицы, притом относящиеся только к средневековью. Научные учреждения Центра раскопок в Средней Азии почти не вели, а раскопки краеведов из Туркестанского кружка любителей археологии были очень маленькими по масштабу и невысокими по научному уровню.

Сразу же после революции, когда на повестку дня встал вопрос о подъеме культуры на национальных окраинах, в самых широких масштабах началось изучение археологии Кавказа и Средней Азии. Успехи этой работы хорошо известны. Раскопки С. П. Толстова в Хорезме, Б. А. Куфтина и Б. Б. Пиотровского в Закавказье и т. д. вызывают интерес далеко за пределами нашей родины. Очень важно, что сильные коллективы археологов выросли уже в самих национальных республиках. Большие отделы археологии созданы в Академиях наук Грузии, Азербайджана, Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, Туркмении.

Если в дореволюционных изданиях по восточной археологии печатались лишь описания отдельных древних зданий и случайных находок, то теперь археологическое востоковедение решает важнейшие исторические вопросы. Это проблемы сложения рабовладельческих государств

Востока, история ирригации, история взаимоотношений кочевников и земледельцев, взаимного влияния античной, индийской, иранской и других культур на Востоке.

Так Октябрьская революция, покончив с влиянием церковной идеологии, не только возродила первобытную археологию России, но и подняла ее на новую ступень, а покончив с отсталостью национальных окраин, обеспечила быстрое развитие восточной археологии.

! После революции изменилось лицо и античной археологии. В конце XIX — начале XX в., когда первобытная и славяно-русская археология уже сблизились и занялись историческими вопросами (как мы видели это на примере работ Забелина, Самоквасова, Хвойки), античная археология все еще оставалась на отшибе и сохраняла искусствоведческий характер. Теперь исторические задачи стали главными и для античной археологии. Это проявилось в переходе от исследований некрополей, привлекавших археологов XIX в. своими богатыми находками, к изучению поселений с более бедным вещевым материалом, но зато с остатками бытовых и производственных комплексов. Это чувствуется и в темах исследований. История земледелия и военного дела в античных колониях Причерноморья (монографии В. Д. Блаватского), вопрос о роли местных племен в истории античных городов и ряд других сторон истории Боспора (монография В. Ф. Гайдукевича), Херсонеса и Ольвии — таковы темы, разрабатываемые советскими археологами-антиковедами.

Славяно-русская археология за годы советской власти обогатилась капитальными исследованиями, выводы которых нашли отражение и в обобщающих трудах историков. Достаточно назвать книги «Киевская Русь» Б. Д. Грекова, «Древнерусские города» М. Н. Тихомирова или первые тома учебников по истории СССР. Советские археологи-слависты подняли множество новых исторических тем, не существовавших для дореволюционных ученых. Таков ряд проблем, связанных с этногенезом славян (труды П. Н. Третьякова, М. И. Артамонова и др.), вопросы истории русской деревни и древнерусского города (работы А. В. Арциховского, Н. Н. Воронина, М. К. Каргера и др.), ремесла древней Руси (монография Б. А. Рыбакова) и т. д.

Развитие славяно-русской археологии не было гладким. В начале 30-х годов исследования русских древностей были свернуты. То вульгаризаторское понимание борьбы с великодержавным шовинизмом, которое проявилось хотя бы в пресловутой пьесе Демьяна Бедного «Богатыри» (1933) и во многих статьях историков школы Покровского, сыграло здесь роковую роль. Некоторые деятели исторического фронта заявляли, что изучение памятников русской культуры — дело реакционное, враждебное советскому строю¹⁹. С середины 30-х годов эта вреднейшая тенденция была преодолена.

В конце 1940-х годов отмечается другая крайность — славяно-русская археология была объявлена самым главным направлением археологической науки. Внешне это выразилось, например, в расположении статей в сборниках «Советская археология». Порядок статей таков: русские древности, палеолит, неолит, эпоха бронзы, эпоха раннего железа, античность, средневековые памятники Кавказа и Средней Азии²⁰. Так нарушались не только хронология, но и реальное соотношение многих явлений в истории. Чтобы придать актуальность своим работам, некоторые археологи искусственно «славянизировали» свой материал (славяне появились даже в Ольвии)²¹.

Со всеми этими крайностями было покончено, когда советская историческая наука вступила в свой новый этап после XX съезда партии. Теперь славяно-русская археология занимает принадлежащее ей достойное место в нашей науке, не подавляя других направлений исследований. Сейчас открыты широкие возможности для плодотворного гармоничного развития всей нашей науки. И археологи, изучающие первобытное общество, и археологи, исследующие памятники античности или древних цивилизаций Востока, и археологи, занятые славяно-русскими древностями, решают общую задачу — восстанавливают историю человечества от ее истоков до средневековья. В эту одну большую об-

¹⁹ См. об этом: Б. А. Рыбаков. Место славяно-русской археологии в советской исторической науке. СА, 1957, № 4.

²⁰ См., например, СА, XI, 1949.

²¹ Л. М. Славин. Древний город Ольвия. Киев, 1951, стр. 14.

щую тему входят и темы, казавшиеся в свое время особыми, более важными, чем темы исторические. Это вопросы истории искусства, истории культуры и вопросы, близкие также для антропологов, касающиеся древнейших людей. Все это исторические проблемы, и они входят в круг интересов археологии, как единой исторической науки.

Наконец, много важных изменений претерпела за годы советской власти работа в области охраны памятников прошлого. Сразу же после революции ликвидация права частной собственности, являвшегося главным тормозом в решении проблемы охраны памятников, позволила подойти к созданию законодательства об охране. И в первые же годы советской власти по инициативе Ленина были сделаны крупные шаги в этом направлении²².

Уже 3 ноября 1917 г. Народный Комиссариат Просвещения обратился «к рабочим, крестьянам, солдатам, матросам и всем гражданам России» с призывом оберегать сокровища культуры и искусства, которые оказались под угрозой в период революции и гражданской войны. В ноябре же была организована Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Впервые в истории русской науки был создан государственный орган, специально занимающийся проблемой охраны памятников.

10 октября 1918 г. был издан подписанный Лениным декрет о государственной регистрации и учете предметов искусства и старины. Национализация помещичьей земли, отделение церкви от государства проводились по решению правительства с учетом всех памятников культуры, принадлежавших ранее церкви и дворянству. Отныне все памятники прошлого стали собственностью государства, принявшего на себя заботу об их сохранности. Так, еще в условиях гражданской войны, было

²² См. об этом В. К. Гарданов. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти. «Труды Научно-исследовательского Института музееведения», вып. I. М., 1957; К вопросу об организации и юридическом обосновании дела охраны и исследования археологических памятников в РСФСР. «Материалы Всесоюзного археологического совещания». М., 1945.

положено начало исключительно трудоемкому делу регистрации памятников. Напомним, что до революции никаких списков памятников не существовало. Ныне в Министерстве культуры составлены списки всех памятников, взятых на государственную охрану.

Надо отметить, также создание в июне 1918 г. реставрационных мастерских при Главмузее. Уже в 20-е годы эти мастерские провели под руководством И. Э. Грабаря огромную работу по выявлению, описанию и консервации памятников древнерусского искусства. Именно тогда были открыты многие ныне широкоизвестные произведения Рублева и его школы, изучены фрески Мирожского монастыря во Пскове, памятники Владимира, Троице-Сергиевской лавры и т. д.

Все эти важные, давно уже назревшие мероприятия коснулись и археологических объектов. Самовольным раскопкам, нередко имевшим место до революции, был положен предел. Основанная декретом Совнаркома 18 апреля 1919 г. Академия истории материальной культуры (ныне Институт археологии Академии наук СССР) стала центральным научным учреждением, без санкции которого невозможны археологические раскопки. Таким образом, в годы советской власти наметились важные сдвиги в разрешении проблемы охраны памятников, которую не смогла решить царская Россия.

Но тот факт, что традиции в этой области в России были невелики, оказал влияние и на современное положение охраны памятников прошлого в СССР. Значение этого дела для всей культуры страны часто недооценивается. В начале 30-х годов было допущено много неоправданных необходимостью разрушений памятников русской национальной культуры (Михайловский Златоверхий монастырь в Киеве, Сухарева башня, Симонов монастырь, Красные ворота в Москве)²³. Это было результатом деятельности последышей осужденного партией направления «Пролеткульта», заявлявших, что старая «буржуазная культура» должна быть разрушена до основания, как ненужная для пролетариата. Вот характерный образчик де-

²³ См. статью И. Э. Грабаря, Н. Н. Воронина и др. В защиту памятников прошлого. «Литературная газета», № 99, 23 августа 1956 г.

магогии этих деятелей. В журнале «Советское краеведение» в 1932 г. появилась статья, осуждавшая проф. И. М. Гревса. Автор пишет: «Гревс идеализировал буржуазно-помещичий строй, проводя эту идеологию под флагом сохранения памятников старины... Гревс... откровенно заявляет, что всеми памятниками старины «должны дорожить» и следует «охранять их от разрушения и порчи»... Следовательно, по Гревсу, самодержавьем тоже надо было дорожить и охранять его»²⁴. Логика изумительная, но, как ни печально, такая демагогия сказывалась определенным образом на положении охраны памятников в СССР.

Между тем, известно прямое указание Ленина, что культура Советской России может строиться только на базе всего лучшего, созданного культурой прошлого²⁵. С этим положением ленинизма связаны и декреты об охране памятников старины, появившиеся на заре советского государства. Преодолевая безразличие к сохранению памятников прошлого, сложившееся еще в эпоху бескультурья старой России, развивая указания Ленина, советские археологи должны еще многое сделать для сохранения богатейших археологических и архитектурных памятников СССР.

Таково в самом беглом обзоре состояние разных направлений русской археологии в прошлом и теперь. Мы видим, что в советские годы русская археология ушла далеко вперед. Гораздо теснее стала связь разных отраслей археологии друг с другом, единые исторические задачи объединили их между собой. Важные теоретические указания классиков марксизма, охватившая всю страну работа по подъему культуры поставили перед археологами новые задачи и открыли перед ними новые перспективы. Мы видели в то же время, что многое из созданного старой русской археологией органически вошло в фонд советской археологической науки. Этим и оправдывается наш интерес к дореволюционной русской археологии.

²⁴ В. Г. За большевистскую бдительность в краеведении. «Советское краеведение», 1932, № 1, стр. 10. Ср. Н. Рубинштейн. Борьба с классовым врагом в краеведческой литературе. Сб. «Против вредительства в краеведческой литературе». М., 1931, стр. 6.

²⁵ В. И. Ленин. Задачи союзов молодежи. Сочинения, т. 31, стр. 262.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии
Русского археологического общества
ЗРАО — Записки русского археологического общества
ИОАИЭ — Известия общества археологии, истории и этнографии
при Казанском университете
ИРГО — Известия Русского географического общества
ЛН — Литературное наследство
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РА — Русский архив
РГО — Русское географическое общество
РИС — Русский исторический сборник
РС — Русская старина
СА — Советская археология

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Допетровская эпоха. Народные представления о древностях. Отношение к археологическим находкам в древней Руси.	11
XVIII век. Начало собирания и описания археологических памятников. Особенности археологии XVIII в.	25
Археология в России в первой половине XIX века. Изучение античности и славяно-русских древностей.	41
Зориан Ходаковский и Вадим Пассек. Начало изучения рус- ских древностей. Формулировка задач археологии. План археологических работ в России	57
Зарождение первобытной археологии в России. Сложение археологии, как единой науки	71
Первые раскопки в Средней Азии	89
Охрана археологических памятников в дореволюционной России	96
Заключение	109
Список сокращений	127

Александр Александрович Формозов
Очерки по истории русской археологии

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *Н. И. Сергиевская*. Технический редактор *С. П. Голубь*
Художник *Н. П. Фролов*

РИСО АН СССР № РП-61 Сдано в набор 27/VI 1961 г.

Подписано к печати 31/VIII 1961 г. Формат 84 × 108^{1/2} печ. л.

(4)8 = 6,56 усл. печ. л. + 1 вкл. 6,3 уч.-изд. л. + 0,2 уч.-изд. л. вкл.

Тираж 2500 экз. Т-09126. Изд. № 141 Тип. зак. № 2049

Цена 40 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Цена 40 к.